

Священноисповедник
Василий
Кинешемский

Беседы на
Евангелие
от Марка

Священномученик
Василий Кинешемский
Беседы на Евангелие от Марка

«Благовест»

2017

УДК 276
ББК 86.372

Кинешемский С.

Беседы на Евангелие от Марка / С. Кинешемский — «Благовест»,
2017

ISBN 978-5-9968-0544-0

В своих беседах на самое короткое, но в то же время и самое динамичное, и самое понятное для широкого круга читателей Евангелие – Евангелие от Марка – священноисповедник Василий касается всех аспектов взаимоотношений людей с Богом, показывает цели, которые стоят перед человеком и которых он должен достичь, чтобы его земная жизнь была прожита не напрасно, а также предлагает и средства, с помощью которых этой цели достигаются; важно в этой книге еще и то, что ее автор живо реагирует на окружающие человека проблемы, вызовы и соблазны современного мира и дает практические советы, как лучше и угодно Богу поступить в той или иной трудной ситуации; при этом все свои советы и наставления священноисповедник Василий подкрепляет многочисленными назидательными историями и примерами из жизни святых.

УДК 276
ББК 86.372

ISBN 978-5-9968-0544-0

© Кинешемский С., 2017
© Благовест, 2017

Содержание

Глава 1, ст. 1—13	6
Глава 1, ст. 14—34	12
Глава 1, ст. 35—45	18
Глава 2, ст. 1—12	24
Глава 2, ст. 13—28	31
Глава 3, ст. 1—6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

**Священноисповедник
Василий Кинешемский
Беседы на Евангелие от Марка**

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви (ИС
Р16-621-3358)*

© Издательство «Благовест» – текст, оформление, оригинал-макет, 2017

Глава 1, ст. 1—13

Евангелие – слово греческое. В переводе на русский язык означает «благая весть». Благая весть! Как это оценить?

Где-нибудь далеко-далеко в холодной, негостеприимной чужбине, быть может в суровом вражеском плену, томится дорогой вам человек. Вы ничего о нем не знаете. Пропал – как в воду канул. Где он? Что с ним? Жив ли? Здоров? Быть может, обнищал, нуждается во всем... А кругом холодные, равнодушные чужие люди. Ничего не известно. Томится сердце, тоскует. Хоть бы одно слово: жив или нет? Никто не знает, никто не скажет. Ах, какая тоска! Господи, пошли весточку!

И вот в один прекрасный день стучатся в двери. Кто там? Почтальон принес письмо! От кого? Боже правый. Неужели? Да, да. На обороте письма знакомый милый почерк: неправильные крупные буквы, его почерк. Весточка от него. Что он пишет? Вы торопливо разрываете конверт и читаете с замиранием сердца. Слава Богу! Все хорошо: он жив, здоров, всем обеспечен, собирается приехать на родину. Сердце наполняется благодарной радостью. Господи! Как Ты милостив! Ты не забыл, Ты не оставил, Ты не отверг убогой молитвы! Как благодарить Тебя, Создатель?

Таково впечатление от благой вести. Но в личной жизни это выглядит сравнительно слабо.

Почему же Евангелие называется Евангелием? Почему оно является благою вестью?

Это весточка из потустороннего мира на грешную землю. Весть от Бога страдающему, томящемуся во грехе человеку; весть о возможности возрождения к новой, чистой жизни; весть о светлом счастье и радости будущего; весть о том, что все уже для этого сделано, что Господь отдал за нас Своего Сына. Человек так долго, так страстно, так тоскливо ждал этой вести.

Послушайте, я расскажу вам немного о том, как жили люди до прихода Спасителя, как они томилась и напряженно ждали весточки, которая указала бы им новый, светлый путь и выход из грязного болота порока и страсти, в котором они барахтались, и вы поймете, почему с такой восторженной радостью они встретили эту весть, почему назвали ее благой и почему для человека не было и не могло быть другой, более радостной, более благой вести, чем Евангелие.

Весь мир перед тем временем, когда должен был прийти Спаситель, стонал в железных тисках Римского государства. Все земли, расположенные вокруг Средиземного моря и составлявшие тогдашний европейский цивилизованный мир, были завоеваны римскими легионами. (Говорить о жизни человечества того времени – это значит говорить почти об одном Риме.) Это был расцвет римского могущества, эпоха Августа. Рим рос и богател. Все страны слали свои дары сюда или в качестве дани, или как товары торговли. Несметные сокровища собирались здесь. Недаром Август любил говорить, что он превратил Рим из каменного в мраморный. Неимоверно богатели высшие классы – патриции и всадники. Правда, народ от этого не

выигрывал и под золотой мишурой внешней пышности империи таилось много горя, нищеты и страданий. Но, как ни странно, и высшие богатые классы не чувствовали себя счастливыми. Богатство не спасало их от уныния, хандры и порой от тоски отчаяния. Наоборот, этому содействовало, рождая пресыщенность жизнью. Посмотрим, как жили тогдашние богачи.

Роскошная беломраморная вилла... Изящные портики, между стройными колоннами расположены статуи императоров и богов из белоснежного каррарского мрамора резца лучших мастеров. Роскошные мозаичные полы, по которым из дорогих цветных камней выложены затейливые рисунки. Почти посередине большой центральной комнаты, служащей для приемов (так называемый атриум), – квадратный бассейн, наполненный кристальной водой, где плещутся золотые рыбки. Его назначение – распространять приятную прохладу, когда воздух раскален зноем южного дня. На стенах – позолота, фресковая живопись, причудливо переплетающиеся орнаменты густых тонов. В семейных комнатах – ценная мебель, позолоченная бронза, на всем убранстве лежит печать богатства и изящного вкуса. В надворных постройках – масса обученных рабов, всегда готовых к услугам хозяина. Так и чувствуется по всему, что нега, лень и наслаждение свили здесь себе прочное гнездо.

Амфитрион (хозяин дома), римский всадник с жирным двойным подбородком, с орлиным носом, гладко бритый, готовится к вечернему пиру.

В этом доме пиры почти ежедневно. Громадное состояние, нажитое на откупках, позволяет тратить на это колоссальные суммы. Он занят сейчас в своей домашней библиотеке: надо выбрать поэму для развлечения гостей. Медленно и лениво своими пухлыми руками, украшенными тяжелыми золотыми перстнями с самоцветными камнями, перебирает он футляры, где хранятся драгоценные свитки фиолетового и пурпурного пергамента, на котором золотыми литерами переписаны последние новинки римской поэзии. Его губы брезгливо сжаты: все это ему не нравится. Все так плоско, неинтересно, так приелось!

В соседней большой комнате суетится и бегают целая толпа рабов разных оттенков кожи: белые голубоглазые свевы, желтые смуглые фригийцы и персы, черные арапы и негры. Приготавливают столы и ложа для гостей. Их будет немного, только избранные друзья, человек тридцать. Но тем более надо все приготовить для них и угостить как можно лучше...

Пир в разгаре. За длинными столами на ложах, покрытых виссонными тканями и дамасскими коврами, возлежат гости в легких туниках, с розовыми и померанцевыми венками на головах. Столы уставлены яствами и фиалами с драгоценным вином. Прошла уже тридцать пятая перемена блюд. Только что убрали жирную тушу жареного кабана, и маленькие невольники, прелестные мальчики с завитыми кудряшками, в прозрачных розовых и голубых туниках, разносят расписные кувшины с розовой водой для омовения рук гостей. Смешанный говор стоит в зале. Гости уже достаточно подвыпили: глаза блестят, лица покраснелись, а рослые арапы еще вносят громадные амфоры дорогих фригийских и фалернских вин, предлагая желающим наполнить опустошенные кубки.

Несмотря на знойный вечер, в комнате прохладно: по углам бьют фонтанчики и журчат ручейки душистой воды, наполняя воздух благоуханием. Откуда-то сверху, как крупные хлопья снега, медленно падают лепестки роз и жасминов, покрывая все в комнате ароматным ковром. Откуда-то издали доносятся тихие звуки грустной музыки: стонет свирель, журчащими каденциями рассыпается арфа и томно воркует лютня.

А гостям подают тридцать шестую перемену: жареные соловьиные язычки с пряным восточным соусом – блюдо, стоившее невероятных денег.

Это был какой-то культ чрева и обжорства. Ели с внимательной торжественностью, по всем правилам гастрономии, точно совершая священный обряд; ели медленно, бесконечно долго, чтобы продлить наслаждение насыщения. А когда желудок был полон и не вмещал больше ничего, принимали рвотное, чтобы освободить его и начать снова.

В пиришественной зале появляется домашний поэт амфитриона, один из бесконечной толпы его прихлебателей. Под звуки лютни он декламирует стихи собственного сочинения. Его сменяют мимы и танцовщики. Начинается дикая, сладострастная вакхическая пляска.

Но хозяин по-прежнему невесел. На его лице скука, пресыщение. Все надоело! Хоть бы что новое изобрели! А то каждый раз одно и то же!

За новые развлечения, за изобретение удовольствий платили большие деньги. Но трудно было изобрести что-нибудь новое, достаточно сильное, чтобы возбудить притупленные нервы. Неизбежная скука надвигалась, как болотный туман, полный удушливых миазмов. Пресыщенная жизнь переставала быть жизнью.

Один из первых богатей того времени, сам император Тиверий, представляет едва ли не самый печальный образец этой пресыщенной скуки. Он – на острове Капри в чудной мраморной вилле; кругом плещутся лазурные волны Неаполитанского залива; дивная, яркая южная природа улыбается ему и говорит о счастье и радости жизни, а он пишет сенату: «Я умираю каждый день... и зачем живу – не знаю».

Так жила римская знать, праздная, пресыщенная, потерявшая вкус к жизни, неудовлетворенная ни своим богатством, ни своим могуществом.

Народ, или, вернее, городской класс, та толпа, которая наполняла улицы Рима, вряд ли чувствовала себя вполне счастливой. Правда, и здесь жизнь с внешней стороны могла казаться иногда праздником. Те золотые потоки богатства и роскоши, которые стекались в Рим со всех стран, хотя и в небольшой степени, но достигали и римской черни. От императора и сановных патрициев в дни торжественных событий и фамильных праздников перепадали иногда значительные подачки. Нередко практиковалась даровая раздача хлеба. Римские граждане, кроме того, могли торговать своими голосами при выборах в сенат или на муниципальные должности.

Для толпы устраивались в цирках и театрах даровые великолепные зрелища. Все это создавало условия легкой, праздной жизни и привлекало из провинции массы празднующегося люда. Мало-помалу в Риме и других больших городах скопились громадные толпы людей праздных, беспокойных, ленивых, привыкших жить за государственный счет, единственным желанием и постоянным воплем которых было: «Хлеба и зрелищ!»

Но, выплачивая этой толпе подачки из своих колоссальных богатств, император и римская знать относились к ней с нескрываемым презрением и варварской жестокостью. Случалось иногда в цирках, где преобладали кровавые зрелища гладиаторских боев и травли людей дикими зверями, все жертвы, предназначенные для зверей, были растерзаны, а жажда крови и в зверях, и в зрителях еще не была насыщена. Тогда император приказывал выбросить на арену к зверям несколько десятков бесплатных зрителей из простонародья, заполнявших амфитеатр. И это приказание исполнялось при громком хохоте и рукоплесканиях знати.

Однажды накануне конских скачек, в которых должен был принять участие великолепный породистый жеребец одного знатного сенатора, громадная толпа любопытных зевак окружила стойло знаменитого скакуна, чтобы полюбоваться на него. Чтобы разогнать любопытную толпу, нарушавшую покой благородного животного, сенатор приказал своим рабам высыпать на зевак несколько больших корзин, полных ядовитых змей.

Эти маленькие иллюстрации показывают, насколько не обеспечена и непривлекательна была жизнь граждан этого класса, несмотря на внешний покров кажущейся легкости и беззаботности.

Если по общественной лестнице мы спустимся еще ниже, в класс рабов, то здесь мы найдем только непрерывные страдания и беспросветное горе. Раб не считался даже человеком. Это был просто инструмент, вещь, хозяйственная принадлежность. Убить, изувечить раба хозяин мог вполне: за это он ни перед кем не отвечал, как не отвечал за сломанную лопату или за разбитый горшок.

Жизнь рабов была ужасна. Если бы мы могли прогуляться вечером по улицам Рима того времени, то, наверное, услышали бы тяжелые стоны, плач и глухие удары, несущиеся из подвалов богатых домов, где содержались рабы – там происходила обычная вечерняя экзекуция рабов за дневные провинности. За малейшую оплошность их наказывали жестоко: били бичами или цепями до потери сознания. Зажимали шею в расщепленное полено и в таком положении оставляли на целые дни. Ноги забивали в колодки. Однажды во время приема императора Августа в доме известного богача того времени, Мецената, раб разбил нечаянно дорогую вазу. Меценат приказал бросить его живым в бассейн на съедение рыбам-муренам. На ночь рабов связывали попарно и сажали на цепь, наглухо приклепанную к кольцу, ввинченному в стену. А днем их ожидала бесконечная, одуряющая, изнурительная работа под бичом надсмотрщика, почти без отдыха. Если доведенные до отчаяния рабы поднимали бунт против своего господина, их распинали на крестах – казнь, считавшаяся самой позорной и мучительной. Когда раб становился стар или выбивался из сил и не мог более работать, его увозили на маленький необитаемый островок среди Тибра, где и бросали, как падаль, на произвол судьбы.

Таким образом, во всех классах римского общества жизнь была тяжелая, безрадостная, гнетущая: пресыщенность жизнью, скука, разочарование в высшей знати, бесправие, угнетение, страдания в низших слоях. Искать радости, успокоения, утешения было негде. Языческая религия не давала человеку никакого облегчения. В ней не было той благодатной таинственной силы, которая одна только может успокоить, ободрить и укрепить страждущее сердце и томящийся дух. Кроме того, римская религия времен пришествия Христа Спасителя очень многое заимствовала из восточных культов, полных сладострастия и распутства. В безумных, беспутных оргиях Востока можно было найти опьянение, временное забытие, но после этого скорбь становилась еще острее, отчаяние еще глубже.

Языческая философия также не могла удовлетворить человека, так как она учила только о земном счастье и не освобождала мятущийся дух от оков мира и материи. Два направления господствовали в тогдашней философии: эпикурейство и стоицизм. Эпикурейцы говорили: наука быть счастливым состоит в том, чтобы создавать для себя приятные ощущения; всякое излишество влечет за собою болезненные ощущения, поэтому нужно быть умеренным во всем, даже в наслаждениях, но эта умеренность, равно как и сама добродетель, не составляет цели для человека, а служит лишь наилучшим средством к наслаждению. Стоики брали лучшие стороны в человеке. Ты свободен, говорили они, значит, ты единственный господин себе. Воля твоя должна вполне принадлежать тебе; счастье заключается в господстве над самим собою. Скорби, гонения и смерть для тебя не существуют: ты всецело принадлежишь себе и никто не отнимет тебя у тебя самого, а это все, что нужно мудрецу.

Чего не доставало философии – это божественного элемента. Тот бог, которого они называли природою, не имеет никаких преимуществ перед богами, провозглашенными языческой религией) и мифологическими сказаниями. Бог философов – не живой, личный Бог, а судьба, неумолимая и слепая, под ударами которой человек впадает в отчаяние и погибает.

Кроме того, философия была совершенно недоступна народному пониманию и составляла удел лишь небольшого числа избранных мудрецов. Поэтому искать в ней утешения масса не могла.

Можно было бы ожидать, что указания нового пути и средства возрождения жизни найдутся в иудейском народе – единственном народе, сохранившем истинную религию и возвышенные понятия о Боге и жизни. Но иудейство само переживало тяжелый кризис. Вряд ли когда в истории еврейского народа встречаются более темные страницы религиозного и нравственного упадка, чем в период, предшествовавший явлению Христа Спасителя. Когда читаешь пророческие книги и суровые речи пророков, обличавших еврейскую жизнь, рисуется тяжелая, мрачная картина.

Вот ряд выдержек из книг пророка Исаяи, изображающих безотрадное нравственно-религиозное состояние израильского народа того времени, его неблагодарность и измену Богу, его неверие, его разврат, его жестокость и вопиющую несправедливость.

Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня. Вол знает владельца своего, и осел – ясли господина своего; а Израиль не знает [Меня], народ Мой не понимает. Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святого Израилева, – повернулись назад. (1, 2–4). Как сделалась блудницею верная столица, исполненная правосудия? Правда обитала в ней, а теперь – убийцы. Князья твои – законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гоняются за мздою; не защищают сироты, и дело вдовы не доходит до них (1, 21, 23).

И в народе один будет угнетает другим, и каждый – ближним своим. Язык их и дела их – против Господа, оскорбительны для очей славы Его. Народ Мой! вожжи твои вводят тебя в заблуждение и путь стезей твоих испортили (3, 5, 8, 12).

Огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их (6, 10).

...О юношах его не порадуется Господь, и сирот его и вдов его не помилует: ибо все они – лицемеры и злодеи, и уста всех говорят нечестиво (9, 17)... Священник и пророк спотыкаются от крепких напитков; побеждены вином, обезумели от сикеры, в видении ошибаются, в суждении спотыкаются. Ибо все столы наполнены отвратительною блевотиною, нет чистого места (28, 7, 8).

...Это народ мятежный, дети лживые, дети, которые не хотят слушать закона Господня (30, 9). Беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим, и грехи ваши отвращают лицо Его от вас, чтобы не слышать. Ибо руки ваши осквернены кровью и персты ваши – беззаконием; уста ваши говорят ложь, язык ваш произносит неправду. Никто не возвышает голоса за правду, и никто не вступает за истину; надеются на пустое и говорят ложь, зачинают зло и рождают злодейство. Дела их – дела неправедные, и насилие в руках их. Ноги их бегут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови; мысли их – мысли нечестивые; опустошение и гибель на стезях их. Пути мира они не знают, и нет суда на стезях их; пути их искривлены, и никто, идущий по ним, не знает мира. Потому-то и далек от нас суд, и правосудие не достигает до нас; ждем света, вот тьма, – озарения, и ходим во мраке. Ибо преступления наши многочисленны пред Тобою, и грехи наши свидетельствуют против нас; ибо преступления наши с нами, и беззакония наши мы знаем. Мы изменили и солгали пред Господом, и отступили от Бога нашего; говорили клевету и измену, зачинали и рождали из сердца лживые слова. И честность не может войти. И не стало истины, и удаляющийся от зла подвергается оскорблению (59, 2–4, 6–9, 12–15).

Таким образом, и здесь, среди избранного народа Божия, та же картина нравственного мрака и разложения.

Зло стужалось повсюду. В этой атмосфере бесправия и насилия, обмана и лицемерия, неверия и суеверия, разврата и погони за наслаждениями становилось трудно дышать. Мир, поработанный римской политикой, униженный и доведенный до отчаяния ложными религиями, тщетно вопрошающий философию о тайне жизни и добродетели, этот мир стоял на краю могилы.

Само иудейство, изменившее своему предназначению, находилось при последнем издыхании. Никогда еще не было более критического момента в истории человечества. Чувствовалось, что человечество зашло в тупик и без посторонней помощи Кого-то Великого и Сильного выйти оттуда не может. И вот среди лучших людей того времени все упорнее и напряженнее

становится ожидание появления Великого Пророка, который укажет человеку новые пути и спасет мир от гибели и разложения.

В иудействе это ожидание существовало уже давно и питалось предсказаниями пророков, но и вне иудейства в лучших людях языческого общества чувствуется трепетное ощущение и страстное желание пришествия Спасителя и Избавителя мира. Весь мир находился в напряженном состоянии, и в эту-то великую и торжественную минуту рождается Господь Иисус Христос и проповедует людям Свое Евангелие, это Откровение новых путей возрождения и истинной жизни.

Это откровение было тою вестью Неба, которая выводила людей из тупика греха и отчаяния и которую так страстно и так напрасно ожидало человечество. Вот почему оно и было названо *благою вестью*, или Евангелием.

Но и теперь, когда столько веков прошло после появления Евангелия, оно не утратило своего значения и по-прежнему является для нас благою вестью, говорящей нам о высокой, чистой, святой жизни; по-прежнему, как маяк в бурную темную ночь, оно показывает нам единственный верный путь к вечному счастью и к Богу.

Где этот путь? Язычество и почти весь древний мир искали его в служении своему самолюбию, в самоугождении, в самоуслаждении. Личный эгоизм язычества, национальный эгоизм еврейства – вот те краеугольные камни, на которых люди древности хотели построить здание своего счастья. Они не построили ничего, и их опыт доказал только то, что избранный ими путь ложен и ведет не в чертоги счастья, а в трясину отчаяния.

Евангелие наметило новый путь: самоотречение.

Уже первая крупная фигура, появляющаяся в евангельской истории по Марку, фигура Иоанна Крестителя, обвеяна этим новым духом.

Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение покаяния для прощения грехов... Иоанн же носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, и ел акриды и дикий мед (Мк. 1, 4, 6).

Всем своим видом он как бы говорил слушателям: «Не в богатстве, не в роскоши, не в человеческой славе, не в земном могуществе надо искать пути к Богу и к счастью. Все это ложь, обман, призрак! Пустыня лучше царских чертогов, ибо ее вечная тишина и однообразие не развлекают ум и позволяют всецело погрузиться в созерцание дел Божиих и Божия величия. Власяница лучше тонких тканей и дорогих одежд, ибо она не разнеживает тела, но, изнуряя его, делает покорным рабом духа. Скучная пища пустыни лучше изысканных яств, ибо она не будит в человеке сладострастия и похоти. Суровая жизнь среди природы лучше праздного, ленивого существования богачей, ибо она закаляет волю для подвига. Отречение от мира лучше привязанности к миру, ибо ничем не связанный, свободный духом человек может служить Богу всем существом своим».

И выходили к нему вся страна Иудейская и Иерусалимляне (Мк. 1, 5), ожидая найти в Иоанне давно желанного пророка, Спасителя мира. Но это был только Его предтеча.

Сильнейший его шел за ним.

Глава 1, ст. 14—34

Евангелист Марк почти всегда изображается со львом. Это его эмблема. Эмблема власти, силы, царственного величия. В ореоле этой силы и величия хотел евангелист изобразить Господа Иисуса Христа. Вот почему ему присвоена эта эмблема. Действительно, в повествовании святого Марка личность Господа Иисуса Христа особенно часто и ярко выступает с этими чертами – Божественного величия и духовной силы.

В первой же главе Евангелия несколько раз отмечаются эти черты. Властное правдивое слово Господа Иисуса Христа, чуждое заискивания и угодничества: *И дивились Его учению, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники*. Книжники искали только успеха и славы и, чтобы заслужить рукоплескания толпы, часто льстили ее страстям и оправдывали ее предрассудки. Господь был чужд этой слабости.

Его спокойная, уверенная власть над злыми духами: *Иисус запретил ему, говоря: замолчи и выйди из него. Тогда дух нечистый, сотрясиши его и вскричав громким голосом, вышел из него*.

То необыкновенное впечатление, которое производило проявление Его силы на зрителей: *И все ужаснулись, так что друг друга спрашивали: что это? что это за новое учение, что Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются Ему?*

Его громадная сила исцелений, действующая моментально и врачующая радикально: *Теща же Симонова лежала в горячке; и тотчас говорят Ему о ней. Подойдя, Он поднял ее, взяв ее за руку; и горячка тотчас оставила ее, и она стала служить им*.

Многосторонность этой целительной силы, излечивавшей самые разнообразные болезни: *При наступлении же вечера, когда заходило солнце, приносили к Нему всех больных и бесноватых... И Он исцелил многих, страдавших различными болезнями; изгнал многих бесов*.

Таким образом, уже в приведенных немногих стихах Господь Иисус Христос является перед людьми как необыкновенный пророк, *сильный в деле и слове* (Лк. 24, 19).

Его сила действительно необыкновенна. Она сказывается во всем. В Его словах, в Его поступках и больше всего в Его влиянии на других людей. Ему достаточно только сказать Симону и Андрею, рыбакам: *идите за Мною!* И они тотчас, оставив свои сети, следуют за Ним (ст. 18). Достаточно призвать братьев Зеведеевых, Иакова и Иоанна, занятых починкой сетей, и они, оставив отца своего Зеведея в лодке с работниками, идут за Ним (ст. 20). Обаяние личности Господа Иисуса Христа, та духовная сила, которая неотразимо привлекает к Нему сердца чистых и честных людей, громадна.

Мы не ставим здесь вопроса, в чем секрет этой силы. Для нас драгоценно другое замечание Спасителя в Евангелии от Иоанна, где он обещает Своим последователям, что каждый из них может приобрести эту духовную силу. *Верующий в Меня, – говорит Он, – дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит* (Ин. 14, 12).

Какое великое обетование!

Иметь силу, какую имел Христос! Силу, которой не выдерживают и страшатся демоны! Бороться с ними и побеждать, очищая свою жизнь и свою душу от их ядовитого, тлетворного влияния, постоянно омрачающего путь к совершенству! Более того: привлекать и других людей к Господу Иисусу Христу, делать и других участниками вечного блаженства! Разве это не великая радость и счастье?

Но как приобрести эту силу?

Строго говоря, все учение Господа Иисуса Христа является ответом на этот вопрос. Евангелие в последовательных повествованиях вскрывает перед нами тот длинный и трудный путь, которым должен пройти верующий, чтобы исполнить завет Христа: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48).

Великая духовная сила, которую Господь обещает верным Своим ученикам, приобретается лишь в конце того пути, на высших ступенях совершенства. Но первую ступень, первый шаг, который должен для этого сделать человек, совершенно определенно отмечают слова данного отрывка: *покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк. 1, 15).

Этим начинается проповедь Спасителя. Об этом же проповедовал Его великий Предтеча. С этого должен начинать всякий человек, вверивший себя руководству Господа Иисуса Христа.

Как первый шаг и как обязательное условие возможности совершенствования требуются два усилия воли: 1) *покайтесь!* и 2) *веруйте в Евангелие!*

Мы знаем, что покаяние в глубоком смысле этого слова не есть простое сокрушение о грехах или отвращение к своему греховному прошлому, еще менее означает оно формальную исповедь: смысл слова гораздо глубже. Это решительный перевод жизни на новые рельсы, полная перестановка всех ценностей в душе и сердце, где при обычных условиях на первом месте стоят мирские заботы и цели временной, преимущественно материальной жизни, а все высокое и святое, все, что связано с верой в Бога и служением Ему, оттеснено на задний план. Человек не отказывается совсем от этих высоких идеалов, но вспоминает о них и служит им украдкой, боязливо, в редкие минуты духовного просветления. Покаяние предполагает коренную перестановку: на первом плане всегда, везде, во всем – Бог; позади, после всего – мир и его требования, если только их нельзя совершенно выбросить вон из сердца. Говоря иначе, покаяние требует создания нового, единого центра в человеке, и этим центром, куда сходятся все нити жизни, должен быть Бог.

Когда человек сумеет спаять все свои мысли, чувства и решения с этим единым центром, тогда из этого и создастся та цельность, монолитность души, которая дает громадную духовную силу. Кроме того, человек с таким устройством ищет исполнения только воли Божией и в конце концов может достигнуть полного подчинения или слияния своей слабой человеческой воли с всемогущей волей Творца, и тогда сила его вырастает до божественной силы чудотворений, ибо тогда действует не он, но в нем действует Бог.

Таков в общих чертах процесс развития духовной силы в человеке.

Отчего апостолы могли получить эту силу чудотворений и обаяния личности и проповеди, сделавшую их могучими и искусными *ловцами человеков* (Мк. 1, 17)? Именно потому, что единым, всеобъемлющим центром для них был Бог, и Его волю исполняли они как высший закон жизни. Интересно вдуматься в историю их призвания. Одно слово Господа, один призыв: *идите за Мною!* – и все забыто и брошено: лодка, сети, весь скудный инвентарь рыбацкого ремесла, даже отец... Ясно, что для этих людей Бог был дороже всего в жизни, и когда Его воля звучала призывом, ничто не могло их остановить. Кто умеет с такой готовностью откликнуться на Божий зов, тот пойдет далеко; и кто может так полно, так цельно, без сомнений и колебаний отдаться воле Божией, тот, несомненно, получит от Господа великие дары и великую духовную силу.

Следует сознаться, что в настоящее время таких цельных людей, полных глубокой веры и духовной силы, чрезвычайно мало. Когда оглядываешься на свою жизнь и на жизнь современного общества, с грустью видишь, что не вера двигает нами и не Бог является для нас центром. Мы подменили этот великий животворный центр другими.

У немецкого философа Ницше изображен сумасшедший, который с диким блуждающим взором бегаёт по городу и, задыхаясь, кричит: «Мы Бога убили...»

Конечно, это неправда. Ни веру в Бога, ни религиозную идею вообще в человечестве убить невозможно. Но ее можно в значительной степени подменить. Вытравить из души религиозное чувство совершенно нельзя, но ему можно дать ложное, одностороннее направление. Человек часто пытается заменить Бога чем-нибудь другим.

Это сделано уже в первом грехопадении. Испушенный человек свою волю поставил на место воли Божией, поставил себя выше и захотел обоготворить себя... через знание. Вы помните, чем искушает дьявол Еву?

И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно Приятно для глаз и возжеленно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел (Быт. 3, 1–6).

Если бы Евой руководила только вера, преданность и любовь к Богу, то она сказала бы змею: «Хорошо... Пусть ты прав. Пусть мы получим знание! Но какой ценой?! Нарушить заповедь Божию, пойти наперекор Божией воле, изменить Богу, оттолкнуть Его своим непослушанием! Нет, Господь для нас всего дороже. Дороже твоего знания и за такую цену – за цену разрыва с Богом – нам не надо знания. Знание нам Бога не заменит!»

Ева этого не сказала. Обещанное диаволом знание показалось заманчивее доверчивого и беспрекословного исполнения воли Божией и, быть может, на короткий момент заслонило Бога. Соблазн одолел. Грех совершился.

С тех пор люди постоянно подменяют Бога. Чаще всего подменяют кумирами своих страстей. Они служат похоти, алчности, гордости, самолюбию, тщеславию, любостыжанию и т. д. и т. д. Невозможно перечислить все те кумиры, которым люди поклоняются вместо того, чтобы служить единому истинному Богу.

И как бы предвидя это, Синайское законодательство, данное Богом Моисею, во второй своей заповеди гласит: *Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им (Исх. 20, 4–5).*

Непосредственным образом заповедь эта направлена против идолопоклонства, которым часто заражался Израильский народ от соседей-язычников, и запрещает поклонение языческим истуканам. Но так как к идолопоклонству привлекало евреев не убеждение в его истинности, а сильнее всего и чаще всего их чувственность и страстность, находившие себе удовлетворение в некоторых культах, особенно в восточных – Ваала, Молоха и других, то вторая заповедь запрещает всякую страсть, которая может стать кумиром и затмить Бога. Иначе говоря, ею запрещается всякий другой центр, придуманный человеком вместо Бога.

Но зачем такой запрет? Отчего единым центром для человека должен быть только Господь и ничто более?

Человеческие центры, которым люди поклоняются и которым служат, вносят разьединение в человечество. Многие из них, особенно центры низшего порядка, как, например, богатство, нажива, сластолюбие, тщеславие, ведут к открытой и неизбежной вражде. Другие, может быть, и не вызывают явной вражды, но все-таки людей не объединяют и объединить не могут. В конце концов, все они слишком мелки и ничтожны, чтобы удовлетворить, захватить и объединить всех. У каждого человека свои вкусы, свои страсти, свои цели. Сколько голов, столько и умов. Один любит науку, другой предпочитает поэзию, третий избирает живопись. Ясно, что при разнообразии этих целей люди пойдут различными путями и осуществить единение между ними очень трудно. А между тем единение это необходимо для человеческого счастья, для мира и согласия в жизни, для общей борьбы с его злом и победы над ним.

Кроме того, все эти кумиры, изобретенные человеком, не дают ему полного удовлетворения. Ими можно увлекаться, им можно поклоняться, за ними можно гоняться, но жить ими нельзя. Истинной жизни в них нет.

Разберемся в этом подробнее.

Все человеческие кумиры, которые могут служить для человека центрами жизни, можно разбить на три категории.

Первая группа – самых грубых, самых низменных страстей: чревоугодия, сладострастия, лености, пьянства и т. п. Даже из этих страстей люди нередко делают себе кумиры и отдают им всю жизнь и все силы.

Рассказывают об одном французе, для которого вкусно есть и пить было единственной целью жизни. Для удовлетворения этой страсти он не жалел ни сил, ни средств. Он с увлечением изучал историю кулинарии (поварского искусства) и достиг в этой области удивительных познаний. Он знал все редкие кушанья, которые когда-либо подавались к столу у королей всего мира и у всех исторически известных богачей-гастрономов. Знал, как приготовить каждое из этих блюд, и его ежедневное меню могло привести в восторг самого прихотливого и избалованного сластолюбца. Из самых отдаленных стран всего мира выписывал он редкостные и дорогие продукты для своего стола. Он истратил на это все свое громадное состояние, полученное по наследству, а когда в кармане у него остался один франк и для него стало ясно, что вести далее такую жизнь невозможно, он пошел на рынок, купил на последний франк жирного каплуна, зажарил его по всем правилам кулинарного искусства, съел и... застрелился. Жизнь потеряла для него всякую цену. Есть немало людей, которые отдаются всецело сладострастию и распутству. Без этого для них жизнь не жизнь. Есть специалисты по совращению женщин, так называемые «львы» большого света.

Кажется, нет такой низменной страсти, которую человек не обоготворил бы и на служение которой не мог бы отдать себя целиком.

Страсти этого рода человека удовлетворить ни в коем случае не могут. Они могут дать минутное наслаждение, довести до опьянения, но в конце концов действуют разрушительно не только на духовную природу человека, но и на его организм. И тяжелыми недугами, мучительными болезнями приходится расплачиваться за годы, проведенные в грязных наслаждениях. Более того: даже в период наивысшего напряжения страсти, получаемые физические удовольствия бесконечно слабее желаний, возбужденных страстью.

Страсть неутолима. Развиваясь, она требует все новых, более сильных, более утонченных наслаждений. А между тем тело изнашивается, становится все менее восприимчивым и уже неспособно давать ощущения требуемой силы. Начинается жестокий разлад между палящими желаниями страсти и невозможностью их удовлетворения. Тогда страсть только жжет и мучает человека, но наслаждений уже не дает.

Кумиры второй группы – обычные страсти нашего времени: любостяжание, честолюбие, славолюбие, властолюбие и т. д. Их главное зло в том, что они разъединяют людей, неизбежно приводя к вражде и ненависти. Те так называемые блага жизни, к обладанию которыми стремятся эти страсти: богатство, власть и т. д., поделить поровну между всеми людьми невозможно. Начинается ожесточенная борьба всех против всех за их обладание, и ненависть, рожденная борьбою, отравляет даже успехи победителей. Человек не может спокойно наслаждаться результатами достигнутых побед, ибо он чувствует, что зависть и злоба побежденных противников подстерегает его везде, что она только подавлена и скрыта, но не убита. Кроме того, и здесь действует обычный закон страсти: чем больше она растет, тем меньше находит способов и средств удовлетворения, которое здесь зависит от внешних условий, нам неподвластных. Представьте себе богача, охваченного жаждою наживы. Его страсть растет, как жажда пьяниц, требуя все больших и больших барышей. Маленькие суммы, которые радовали его прежде, теперь уже не удовлетворяют. Вчера еще он рад был нажитой копейке – через несколько лет он уже на рубль смотрит с презрением. Теперь некоторое удовольствие доставляют ему лишь сотни рублей. Но как их приобрести? Ведь это не зависит от одной воли человека. Барыши не поступают с такой скоростью, как бы хотелось. И вот опять неудовлетворение, мучительный разлад и томление духа.

Третью группу составляют кумиры высшего разряда: искусство, наука, благотворительность, общественная деятельность и т. п. Служение человека этим кумирам кажется бескорыстным, хотя в действительности к нему часто примешиваются славолубие и тщеславие. Кроме того, они не ведут ко вражде, по крайней мере, непосредственно, ибо поле деятельности здесь безгранично. Места и дела хватит для всех, и конкуренция начинается здесь лишь тогда, когда к чистому служению этим кумирам примешиваются страсти второй категории: стремление к наживе, честолюбие и т. д. В современном обществе уровень нравственных идеалов до того понизился, что жизнь, посвященная кумирам этой группы, считается чуть ли не верхом совершенства и добродетели. Подвижники науки, корифеи искусства у нас ценятся безусловно выше скромных подвижников христианства. И тем не менее при самом искреннем и бескорыстном служении этим кумирам полного удовлетворения и счастья человеку они не дают и дать не могут.

Прежде всего они представляют лишь частичное удовлетворение потребностей человека: в науке находит удовлетворение ум, в искусстве – чувство и т. д. Остальные стороны души остаются без удовлетворения. В религии человек захватывается гораздо полнее, ибо она удовлетворяет все потребности.

Обыкновенно в душе верующего человека религиозная потребность проявляется как стремление к личному, живому Богу, воплощающему в Себе все высшие идеалы человека – истину, добро и красоту. В Лице Божиим все это сливается в дивную, неизъяснимую, цельную гармонию, и, служа Богу и объединяясь с Ним, человек весь проникается этими идеалами. Вся его жизнь, деятельность и само существо пронизываются их светозарными лучами. Уже в одном этом человек находит великое счастье, не говоря о величайшем счастье личного единения с Живым Богом.

В основе служения кумирам третьей категории лежат те же элементы; религиозной потребности – стремление к истине, добру и красоте, почему эти кумиры и кажутся такими возвышенными. Но, **во-первых**, эти элементы здесь разбиты поодиночке. Ибо наука есть человеческое выражение истины, искусство – красоты, благотворительность и общественная деятельность – добра. Они не сливаются здесь все в одной дивной симфонии, пленяющей всю душу человека целиком, как это имеет место в религии. **Во-вторых**, личный, живой Бог, Который в религии является носителем и высшим воплощением идеалов истины, добра и красоты, здесь подменен чисто отвлеченными, бездушными понятиями, своего рода суррогатами, и эти суррогаты, конечно, не могут вызвать такого чистого и напряженного подъема чувства, как взаимодействие с живым, личным, святейшим Существом. Никогда нельзя ни науку, ни искусство любить так безраздельно, так глубоко, как можно любить Бога.

В конце концов, поклонение науке и искусству есть особого вида идолопоклонство, своего рода антропоморфизм, человек преклоняется здесь перед собственным созданием, перед творением если не своих рук, то своего ума и сердца. Вот почему здесь и не может быть высшего чувства благоговения. Свое собственное детище можно любить, можно им даже гордиться, но благоговеть перед ним вряд ли возможно. Скорее наоборот: здесь проявляется какое-то отечески покровительственное чувство, и, действительно, читая ученые произведения многих корифеев науки, выносишь впечатление, что они или кокетничают с наукой, или снисходительно треплют ее по плечу. Не может быть поэтому здесь и непреклонной уверенности в безусловном праве этого любимого детища на поклонение. В глубине сознания самого фанатичного поклонника науки всегда сидит червячок скептицизма, который точит его сердце постоянным сомнением: а вдруг здесь нет истины! Разве не может быть эта вывеска глубокомысленных выводов и звонкоученых слов только нарядными лохмотьями, которые прикрывают или пустое место, или ложь? И ошибка и обман вполне возможны! Ибо, в конце концов, это создано только человеком! А *errare humanum est* – человеку свойственно ошибаться!

И только в одном случае служение науке и искусству является плодотворным и полно захватывает человека – это тогда, когда оно связывается с религиозной идеей; когда, занимаясь наукой, человек смотрит на нее как на средство выяснить и понять тайны Божиего мироздания и открыть его вечные законы; когда искусством пользуется как средством пробудить в душе человека чувства высшего порядка – любовь к Богу или к Его земным проявлениям в истине, добре и красоте; другими словами, когда занятия наукой и искусством в действительности являются служением единому, истинному Богу, представляя лишь особую форму религиозной жизни. Если же человек теряет связь с Богом, не к Нему стремится и не в Нем ищет опоры и вдохновения, то в силу необходимости он принужден искать их в своих убогих мозгах и из себя выжимать все элементы научного труда. А это приводит к банкротству науки, ибо неизбежно ведет к сомнению и отрицанию научных аксиом и тем колеблет основы науки. Вот почему те люди, которые двигали науку вперед, были обыкновенно глубоко верующими.

Точно так же и искусство процветает и дает удовлетворение человеку в том лишь случае, если оно связано или непосредственно с религией и служит ее целям, или с одной из форм выражения религиозной потребности – служением истине, добру и красоте. То обстоятельство, что искусство всегда развивалось и процветало тогда, когда оно раскрывало религиозную идею, как это мы видим особенно наглядно в итальянской живописи, – вовсе не случайный факт. И наоборот, современный футуризм, лучизм, кубизм и т. п. есть несомненный декаданс, упадок искусства, ибо люди потеряли здесь Бога и ищут нового центра в своей убогой психике. В результате получается уже не искусство, а кривлянье, клоунская гримаса.

Вслед за искусством и наукой и все формы общественной деятельности оживают и дают человеку наивысшее удовлетворение только в связи с религией. А если так, то какой смысл подменять идею Бога человеческими кумирами? Если эти кумиры высшего порядка, они не дают полного и всестороннего удовлетворения, если низшего, то они только разрушают жизнь и вредят человеку.

Не сотвори себе кумира. Это первое условие развития духовной силы.

Глава 1, ст. 35—45

А утром, встав весьма рано, вышел и удалился в пустынное место, и там молился.

Для выполнений Своего высокого служения Иисус Христос несомненно обладал духовными силами, бесконечно превышавшими силы обыкновенного человека. Приведенный стих первой главы говорит нам, какими средствами Он эти силы укреплял. Этим средством была молитва.

В молитве, в духовном единении с Всемогущим Отцом всегда искал Он укрепления, ободрения, утешения. В этом единственно неиссякаемом источнике всякой силы черпал Он новую мощь для Своего служения.

Но когда Он искал этого единения с Богом, Он всегда хотел быть один, вдали от людей.

В приведенном отрывке у Марка читаем: *встав весьма рано... удалился в пустынное место, и там молился.*

У Матфея: *И, отпустив народ, Он взошел на гору помолиться наедине* (Мф. 14, 23).

У Луки: *Он уходил в пустынные места и молился* (Лк. 5, 16).

Молитва есть Его первое дело. До восхода солнца, когда все еще спали, Он оставлял дом и город, удалялся в уединенное место, вдали от шума и людей ища уединения и безмолвия, дабы втайне беседовать с Отцом Своим.

Палестинская природа располагает к такой сосредоточенности. Селение и город шумны, но поля безмолвны; лишь только удаляется человек от последних домов, он погружается уже в полную тишину. Нет того смутного шума, который поднимается с моря или слышится из леса. Лишь лай собак да отдаленный вой шакала изредка нарушает безмолвие, витающее над долинами и горами Палестины.

В эти минуты наивысшего напряжения духовных сил ничто не должно было отвлекать Господа от молитвы; никто не должен был нарушать Его единения с Богом; никто не смел подслушать таинственную беседу Сына с Отцом. Человеческий голос, нескромный взгляд могли бы помешать цельности и полноте этого слияния с Богом, и Иисус Христос уходил от людей в пустынные места.

Но не только эти минуты наиболее высоких проявлений духовной жизни оберегал Он от людей: Свои дела, благодеяния, чудотворения, в которых проявлялись Его духовная сила и любовь, Он также хотел делать так, чтобы никто о них не знал.

Когда Он исцелил прокаженного, читаем мы: *И, посмотрев на него строго, тотчас отослал его и сказал ему: смотри, никому ничего не говори* (ст. 43–44).

С одной стороны, Иисус хотел избежать человеческой славы, которая больше всего препятствовала Его мессианскому служению. Он не хотел прослыть чудодеем, и не чудесами думал Он привлекать к Себе сердца людей. Но, с другой стороны, эта скромность добродетели, это стремление сохранить тайну духовной жизни имеют и другие причины. В этой тайне лежит одно из условий сохранения и развития духовной силы.

Это же завещает Господь и Своим последователям.

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас... Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Мф. 6, 1, 3–4).

Когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Мф. 6, 6).

Когда постишься, помажь голову твою и умой лицо твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Мф. 6, 17, 18).

Таким образом, доброделание в христианстве должно быть скромно, а духовная, внутренняя жизнь окружена тайной, непроницаемой для людей и открытой только Богу. Только тогда Господь благословляет внутреннее делание успехом и дает плод духовной жизни. Духовные силы, выношенные и развернувшиеся в тайниках души, становятся тогда настолько могущественными, что сами собой проявляются вовне и скрыть их от других становится уже невозможным. *Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.*

Почему так? Почему духовная жизнь, открытая для других, оскудевает неизбежно и не приносит ни плода, ни награды?

Прежде всего потому, что Бог, Который Один должен быть центром духовной жизни, в этом случае легко может быть подменен и действительно почти всегда подменяется каким-нибудь кумиром, чаще всего кумиром тщеславия и славолюбия, а это уже ослабляет духовную силу человека, как это мы видели в предшествовавшей беседе. Когда человек делает свои дела напоказ, чтобы прославляли его люди, он уже, строго говоря, перестает думать о Боге и служить Ему Единому. Он служит тогда себе, своей гордости, своему самолюбию. Но, служа себе, он и не вправе требовать награды от Бога, ибо то, что ему надо – славу и похвалу, он уже получает как награду от людей.

Если даже, начиная служить Богу, человек вполне честен в своих намерениях и совершенно не заботится о собственной славе и похвале от людей, но искренно ищет только славы Божией, тем не менее и в этом случае фимиам мирской славы туманит голову, рукоплескания толпы возбуждают к ним вкус и тщеславную любовь, и, сам почти не замечая того, человек начинает их желать и искать, все время пытаюсь уверить себя, что он служит только Богу. Нужно большое нравственное мужество и устойчивость воли, чтобы не поддаваться соблазну и оттолкнуть от себя эту славу мира сего, которая назойливо преследует тех, кто от нее бежит.

Особенно следует это помнить молодым и неопытным, но горячим и увлекающимся людям, вступившим на путь служения Богу. На первых порах ничем так не искушает их диавол, как дурманом славы. Молодость, необыкновенность явления, особенно в наше время, когда среди молодежи почти иссякла и сама вера в Бога, ревность к подвигу, еще не умеренная опытом, успехи первых порывов – все это невольно возбуждает и привлекает внимание толпы. За вниманием следует одобрение, уважение, почтение, порой преклонение, и под гипнозом такого отношения юный служитель Божий, самый искренний и скромный, начинает невольно чувствовать себя каким-то необыкновенным героем, который стоит выше толпы. Рождается гордость, которая услаждается достигнутым почетом и уже начинает искать и требовать его как должную дань уважения к своим высоким качествам, которых в действительности еще и нет. Людской молве соблазнительно легко поверить и вообразить себя достойным похвал, забывая, что толпа обыкновенно является самым плохим целителем нравственных качеств и достигнутой высоты души. Потом наступает момент, когда пробудившаяся жажда славы и людского почета уже перестает удовлетворяться достигнутыми результатами. Начинает казаться, что уважение толпы слабеет, слава идет под уклон, общее внимание уже не возбуждается. Тогда человек сам бежит за славой, стараясь остановить ее закат, и в этой погоне забывает чистое служение Богу, уже не заповеди и не волю Божию ставит законом своей жизни, но подделывается под вкусы толпы, чтобы сорвать хотя бы минутный взрыв рукоплесканий, опьяняющее наслаждение, которые стали уже привычкой, пускается в фокусничество, иногда в чистое шарлатанство. Сколько крупных нравственных сил, сколько горячих искренних порывов погибло таким образом! Сколько обманщиков и шарлатанов выработалось вместо подвижников чистого христианства! О, диавол хорошо знает силу этого соблазна, и, вероятно, нет ни одного честного служителя Божия, которого он не провел бы через огонь этого испытания.

Я помню одного странника. Высокий, сухой, но еще крепкий, жилистый старик. Он носил под рубашкой на голом теле страшно тяжелую двойную цепь, наглухо заклепанную на груди и на спине. Его шапка представляла собой тяжелую свинцовую чашку фунтов в пятнадцать,

обшитую вылезшим мехом. Длинная, выдолбленная внутри палка была тоже налита свинцом. Всегда он носил на себе не менее двух пудов. Его тяжелая, мерная походка под аккомпанемент звякающих цепей была слышна издалека. Плечи до кости были проедены тяжелыми цепями, и носить их было, несомненно, настоящим мучением. В народе он пользовался громадным уважением. Но одна черта ставила его подвиг под сомнение: он любил, когда останавливался в крестьянских избах, чтобы его почитатели ошупывали его цепи, взвешивали на руках его шапку и посох, и если никто не догадывался этого сделать, он приглашал сам: «Подь-ка, посмотри, какие на мне вериги!» Уважение и удивление людей доставляли ему несомненное удовольствие.

Он умер без покаяния, скорбною смертью. Конечно, у него могли быть другие заслуги перед Богом. Никто не смеет и не может судить чужую душу, кроме Всеведущего Господа, Которому открыты все тайны сердца. Но сам по себе подвиг, таким образом афишированный, выставленный напоказ, несмотря на всю свою трудность и мучительность, уже терял всякое нравственное величие. В нем было не более достоинства, чем в фокусах странствующего комедианта, который на потеху толпе ест резиновые калоши и толченое стекло.

И в том и в другом случае люди стремятся разными средствами возбудить удивление толпы и заставить о себе говорить.

Аминь, глаголю вам: они уже получают награду свою (Мф. 6, 2), – говорит Господь.

Служение Господу должно быть безукоризненно чисто. Чисто должно быть и побуждение к нему. Таким чистым побуждением является любовь к Богу, и никакая посторонняя примесь, особенно если в ней есть грязь эгоизма и гордости, не может быть здесь допущена. Ради собственной любви к Богу и ради того, чтобы приобрести взаимно благоволение Божие, трудились святые подвижники. Но когда человек, служа Богу, стремится этим путем достигнуть личной выгоды или славы, тогда ценность его служения или уменьшается, или сводится к нулю, в зависимости от количества эгоистической примеси. Награда служения, которая в первую очередь получается в форме новых духовных дарований или роста духовной силы, может быть достигнута. Поэтому необходимо все время строго и зорко следить, чтобы ничто в духовной жизни не делалось из-за посторонних побуждений и чтобы червячок тщеславия, который прекрасно умеет прятаться за внешне благовидными предложениями и софизмами, не заполз в душу; иначе он легко разовьется в змею, которая высосет все духовные силы.

Вот почему святые отцы так остерегались в своей жизни даже случайного любопытного постороннего взора и окружали свой подвиг глубокой тайной.

В один из суровых восточных монастырей в Панеро к преподобному Иосифу, великому постнику и подвижнику, пришел однажды некий пресвитер Евагрий со свитой. В старину знаменитые своею жизнью монастыри часто посещались благочестивыми паломниками, которые искали у опытных старцев-иноков уроков и наставления. Эту же цель имел и Евагрий, сам уже начинавший упражняться в подвижничестве и несколько в этом успевший. Ему хотелось лично видеть подлинную иноческую жизнь, которую он мог бы взять как пример для подражания. Для этого и пришел он к святому Иосифу, монастырь которого славился своею строгостью.

Путники были приняты очень радушно, но каково было разочарование Евагрия, когда в образе монастырской жизни он не заметил ни тени строгого подвижничества, ничего особенного, что оправдывало бы репутацию обители. Богослужения были непродолжительны, рукоделия и послушания казались легкими, а трапеза, к которой был приглашен Евагрий со свитой и которую разделял с ними преподобный Иосиф, совсем не говорила о строгом постничестве. Стол был прост, но питателен и разнообразен. Подали овощи, фрукты – все, что только имелось в монастыре, даже вино.

Один из спутников Евагрия не вытерпел.

– Наш пресвитер, – сказал он, – вкушает только хлеб с солью!..

Преподобный Иосиф как будто не слышал этого замечания, в котором слышалось осуждение, и спокойно продолжал трапезу.

С тяжелым сердцем ушел Евагрий из монастыря, жалея о потерянном труде и времени. Ему казалось, что он ничего не приобрел для души, и он спешил в другие обители. Но дорогой их застал густой утренний туман. В песчаной пустыне, где все так ровно и однообразно, определить направление вообще трудно. В тумане это оказалось невозможно. Путники заблудились. Пришлось вернуться назад в монастырь святого Иосифа.

Когда они подошли к монастырским стенам, до них донеслось пение. Видимо, шло богослужение.

Это их удивило: раньше в этот час службы в монастыре не совершалось.

Евагрий со спутниками решили обождать у ворот, чтобы не нарушать своим появлением молитвы иноков. Им пришлось ждать очень долго – несколько часов.

– Что это они распелись? – подумал Евагрий. – Никогда ничего подобного не было...

Потеряв терпение, он постучался. Их впустили и тотчас провели в общую трапезную, куда вскоре пришла и монастырская братия, закончившая богослужение.

Пришел и преподобный Иосиф, благословивший трапезу и пригласивший утомленных путников разделить братский обед. Но какой обед! Маленький кусочек хлеба и горсть сушеных фиников! Вина не было и в помине. Вместо него – соленая вода, взятая, очевидно, из какой-нибудь приморской лужи. Евагрий не мог скрыть своего удивления.

Преподобный Иосиф посмотрел на него с доброй, спокойной улыбкой.

– Ты удивляешься, брат? – сказал он. – Но это наша обычная жизнь, а то, что ты видел раньше, было делом любви: так принимаем мы гостей. Свою настоящую жизнь мы обыкновенно не открываем.

И возблагодарил Бога Евагрий, что Он не оставил его в первоначальном заблуждении и удостоил видеть истинно монашескую жизнь и смирение.

Так умели преподобные отцы скрывать свою подвижническую жизнь, боясь человеческой славы.

Но не только эта святая боязнь обуславливала скромность и тайну их жизни. Были и другие внутренние, более глубокие причины, требовавшие того же, прежде всего – их великая любовь к Богу.

Любовь к Богу требует внутреннего одиночества, внутреннего отчуждения от людей, от мира. «Хочу быть только с Богом! И никто более мне не нужен!» – таково желание растущей и развивающейся любви. На известных ступенях она становится ревнивой и исключительной. Люди уходили в пустыни, лесные чащобы, на необитаемые острова, прятались в недоступных горных ущельях и пропастях с единственной целью – быть только с Богом, наслаждаться полным единением с Ним, не смущаемым человеческим шумом и суетою. Искренняя любовь чуждается и не допускает посторонних в свой заповедный круг. В мысли – «меня и Бога объединяет тайна» – кроется великое обаяние любви, и каждый лишний человек, каждый нескромный взор, проникший в эту тайну, нарушает это обаяние и чувствуется любящей душой почти как оскорбление. Постепенно, по мере развития любви, единение с Богом, слияние с Ним, или, как выражается преподобный Исаак Сирин, «почитие в Боге» становится все полнее и исключительнее, и в этом «почитии» душа находит и свою награду, и свое блаженство. Ничего другого не надо. Погремушки человеческой славы, убогая мишура мирской роскоши, преклонение раболепствующей толпы – все-все отходит вдаль и кажется таким ничтожным, мелким, ненужным в этом захватывающем, ослепительно сияющем, горящем восторгом потоке Божественной любви.

Этот подъем к Богу и единение с Ним вовсе не означает, однако, полный разрыв с людьми, тем менее – пренебрежение или враждебное отношение к ним, в чем часто несправедливо обвиняют подвижников христианства. Нет, здесь сказывается лишь внутреннее отчуждение от

их суетной, мирской жизни, от их дурной стороны, от их грешных привязанностей, страстей и пороков. Лучшая сторона человека, неизгладимый образ Божий, запечатленный даже и в грешной душе, неизменно привлекает и восхищает подвижника и никогда не теряет его любви, полной удивления и преклонения пред совершенством Божиим, отразившимся в творении: Бога он любит и в людях, но он их избегает не только потому, что любящая душа, ревниво хранящая свою тайну, страдает от их назойливости и нескромности, но также и потому, что в общении с ними, по крайней мере до тех пор, пока подвижник не утвердился окончательно в любви Божией и не приобрел устойчивости твердой, как скала, кроется для него великая опасность соблазна. Забытые образы прошлого, отвергнутые приманки мирской жизни, старые привязанности могут легко воскреснуть с прежней силой и, если даже окажутся бессильными оторвать от Бога и вернуть к былому, все же неизбежно взволнуют душу, лишат ее покоя, затуманят в сознании мысль о Боге, нарушат полноту единения с Ним, ослабят стремление к Нему и вместе с тем духовные силы подвижника. Воспоминания прошлого для человека, отрекшегося от мира, – всегда кандалы в его стремлении к совершенству, и чем более любви и нежности было связано с ними, тем они тяжелее. Этим объясняется то упорство, с каким пустычники и затворники часто отказывались видеть самых близких людей. Но когда подвижник уже утвердился в любви к Богу и когда мир потерял для него всякую прелесть как негодная ветошь и уже не волнует душу соблазнами, тогда он нередко, повинувшись воле Божией, возвращается к людям, неся им свой духовный опыт, свою любовь и благодатные силы, воспитанные одиночеством. В душе человека он видит тогда только лучшую ее сторону, видит Бога, Которого он безгранично любит, а пороки и страсти уже бессильны вызвать в нем другой отзвук, кроме отвращения к ним и глубокой жалости к человеку, зараженному ими и страдающему от них. В общении с людьми для него уже нет такой опасности соблазна, как прежде.

Но и в этих условиях личная внутренняя жизнь подвижника остается закрытой для людей. Она всегда закрыта.

Людям открыта только мудрость духовного опыта, но не таинственные переживания души. Дверь в эту клеть всегда заперта наглухо, как требует Господь.

С этой стороны особенно интересен подвиг юродства, когда подвижники величайшей святости, находясь в постоянном общении с людьми, прячут чистоту и святость своей души под маской чудачества и диких выходок так искусно, что толпа нередко принимает их за сумасшедших и дарит презрением и насмешками, не умея рассмотреть в этой грубости и дикости золота духовной высоты и подвига.

На востоке, в одном из Тавеннских монастырей, жила когда-то одна женщина, имя которой сестрам обители было даже неизвестно. Всегда грязная, оборванная, с нечесаными, сбившимися, как войлок, волосами, она была предметом постоянных насмешек и оскорблений. Часто она казалась пьяной. Ее нередко видели валявшейся в грязных сточных канавах или в отхожих местах, храпевшей в непробудном сне. Ходила она шатаясь и спотыкаясь, бормоча про себя несвязные слова. Не раз сестры хотели удалить ее из монастыря, и только сердобольная игуменья, жалея несчастную, терпела ее в обители. Но однажды ночью одна любопытная монахиня подсмотрела за ней, когда та по обыкновению скрылась в отхожем месте, и была поражена: вместо грязной, пьяной потаскушки пред ней была святая в дивном величии молитвенного вдохновения. Юродивая коленопреклоненно молилась. Ее бледное, худое лицо сияло счастьем и восторгом, и неземной свет струился от нее, освещая все кругом. Утром монахиня рассказала сестрам о том, что видела ночью. Бросились искать подвижницу, чтобы просить у нее прощения за нанесенные оскорбления, и не нашли. Она исчезла. Остаться там, где подвиг ее был открыт и где с этих пор ее ожидали слава и почет, она не могла и не хотела.

Такой страшной ценой покупают юродивые тайну своей жизни. Даже перед теми, кому они хотят сделать добро, они умеют замаскировать свой добрый порыв и таким путем избежать благодарности.

Святой Андрей, византийский юродивый, обыкновенно все, что получал от своих почитателей, раздавал нищим, но делал это очень своеобразно. Когда он встречал особенно нуждавшегося бедняка, которому он хотел отдать свои деньги, он начинал с ним перебранку. Перебранка скоро переходила в ссору, которая, казалось, вот-вот кончится дракой. В порыве гнева Андрей выхватывал вдруг из кармана пригоршню монет, медных, золотых, серебряных и с размаху бросал их в своего соперника. Потом поворачивался, как будто взбешенный до последней степени, и убегал без оглядки, не желая иметь с ним больше никакого дела. Это была его милостыня.

Хранение тайны внутренней жизни имеет и воспитательное значение. Этим путем религиозное чувство человека и его любовь к Богу становятся сосредоточеннее и горячее. Открытая печь жара не держит, или, как говорила преподобная Синклитикия, «если в бане часто отворяют двери, то скоро выпустят весь пар». Так и душа, слишком открытая для посторонних взоров, скоро теряет свою сосредоточенность; чувство, доступное многим, легко расплывается, духовная сила тратится и исчезает бесполезно. Физики знают этот закон: пар имеет силу и упругость только в герметически закрытом помещении.

Говоря о тайне духовной жизни, следует прибавить два замечания о пределах необходимой скрытности.

Во-первых, необходимо все время помнить, что скрытие внутренней жизни имеет целью пользу души, предохраняя ее от славолубия, тщеславия, от посторонних примесей в чувстве любви к Богу, от распыления духовной силы и т. д. Следовательно, там, где этих опасностей нет, там скрытность не нужна. Поэтому само собой понятно, что в отношениях, например, к духовному лицу или к духовному руководителю о скрытности не может быть и речи. Здесь она не только ничем не оправдывается, но прямо вредна. Духовный опытный руководитель на первых порах совершенно необходим, ибо без посторонних указаний и беспристрастной оценки явлений духовной жизни легко уклониться на ложный путь и впасть в прелесть, и, конечно, душа начинающего подвижника должна быть перед ним вся открыта, тем более, что диавол, обыкновенно, намеренно возбуждает недоверие к духовнику или к старцу и требует закрыть от него тайники сердца, опасаясь, что опытный взгляд последнего легко различит те козни, которыми он собирается опутать новоназначального инока.

Во-вторых, опасение открыть тайну своей жизни не должно останавливать человека от делания добрых дел. Иногда, например, на глазах людей не хотят творить милостыню и оставляют бедняка без помощи под тем предлогом, что желают избежать славы и похвалы людской. Конечно, это неправильно. Важно, чтобы ты не думал и не искал славы, а если она достается на твою долю без твоего желания, за это Господь не осудит. Даже в том случае, если в твоём сердце есть действительно червячок тщеславия и, делая добро, ты не прочь этим привлечь внимание людей и заслужить их одобрение, все-таки лучше не отказываться сделать доброе дело.

К одному старцу пустынно-нику пришел молодой инок.

Авва, – сказал он, – когда я делаю добро, помысел говорит мне, что я хорошо делаю, и это меня смущает. Я боюсь, как бы не развился дух гордости.

Сын мой, – отвечал старец, – было два земледельца, у которых для посева была только плохая пшеница, смешанная с разным мусором и семенами сорных трав. Один из них совершенно отказался сеять, не желая свой труд тратить для плохого урожая, который неизбежно должен был получиться от посева такого зерна. Другой посеял и собрал немного пшеницы, хотя и плохого сорта и засоренной. Был голодный год; он все-таки пропитался, хотя и с трудом. Первый же оказался в безвыходном положении. Который из них поступил лучше?

Думаю, что тот, который посеял, – сказал инок.

Так и мы, – заключил старец, – будем сеять пшеницу добрых дел, хотя бы к ней и был примешан мусор дурных побуждений!

Глава 2, ст. 1—12

Когда Иисус пришел в Капернаум, вокруг Него собралась большая толпа. Народ теснился к Нему, чтобы посмотреть на вновь явившегося Великого Пророка, о котором так много говорили, чтобы послушать Его учение, чтобы получить от Него исцеление. В короткое время маленький восточный домик, в котором остановился Господь, оказался заполненным тесной толпой, так что в нем уже не было места. В это время четыре человека принесли расслабленного, чтобы просить Господа Иисуса о его исцелении. Однако войти в дом, да еще с такой ношей, оказалось физически невозможным, так как в дверях давка была особенно сильна. Тогда по наружной лестнице они взобрались на плоскую крышу дома, прокопали глиняную кровлю, разобрали потолок и на веревках спустили расслабленного к ногам Иисуса.

Ясно, что эти люди любили больного. Они страстно желали для него исцеления и верили, что единственная для этого возможность – прикосновение или слово Господа Иисуса Христа. Во что бы то ни стало надо было положить расслабленного пред Ним.

Толпа им мешает – препятствие почти неодолимое. Но они решились, и они добьются того, что им надо. Нельзя через двери – можно через окно. Нельзя через окно – можно проломить крышу! Но так или иначе – взор Великого Пророка упадет на их больного друга!

Какая настойчивость! Какая непреклонная энергия! У этих людей был характер и воля; и мы видим, что эта настойчивость вознаграждена. Расслабленный был исцелен. Они достигли своей цели.

Какой урок для нас! И как метко попадает он в самое больное место русской души! У нас много хороших, искренних, горячих порывов, но... «суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано». Редко они доводятся до конца и в области устройства нашей внешней и общественной жизни, а еще реже в области личного воспитания и спасения души.

Мы часто заканчиваем борьбу на половине, потому что путь ко Христу оказывается трудным и загроможденным. Бесчисленные заставы, груды камней, крутые подъемы, непроходимые чащобы. Некоторые пытаются бороться, но трудности, соблазны всюду, на каждом шагу. Энергия падает, и страшная, предательская мысль вдруг является откуда-то и покоряет сознание: «Спасение для нас невозможно. Мы погибли!» И почти равнодушно люди возвращаются назад, отказываясь от дальнейшей борьбы.

Но послушайте, вы, унывающие, потерявшие надежду: все ли средства вы использовали? Все ли силы истратили? Вы не можете протиснуться в дверь – можно разобрать крышу. Можно проломить стену. Смотрите: она уже шатается! Еще одно усилие – и она падает! И вы хотите уйти? Стойте. Все напрасно. Вялая, невоспитанная воля отказывается от дальнейших напряжений.

Вам знакома эта картина? Не правда ли, эта дряблость воли, это отсутствие закала и железа в характере – специфическая болезнь русской души? Сколько у нас измен, преда-

тельств, отпадений, и ведь не в силу активно злой воли, а в силу трусости, слабости, рыхлости. На воспитание воли мы не обращаем никакого внимания. Заботы родителей о детях ограничиваются внешним уходом, а болезни души остаются без внимания, и наука жизни, которую мы впитываем с детства, ничего не говорит нам о самостоятельности и силе убеждений и учит только приспособляться и подчиняться обстоятельствам.

А между тем, в христианской духовной жизни более чем где-либо необходимы настойчивость и упорное стремление к одной цели. Настойчивость кропотливая, ежедневная здесь гораздо важнее, чем большое, единичное усилие воли или геройский подвиг. Это правило одинаково применимо как к личной жизни, так и к общественной. Блестящий, увлекающийся энтузиаст, скоро остывающий, принесет в христианском обществе меньше пользы, чем скромный труженик, незаметно, но настойчиво делающий свое дело.

Почему? Потому что христианская духовная жизнь растет постепенно, органически развиваясь вместе с ростом души, и потому требует постоянных, непрерывных, длительных усилий воли. Усилия чрезмерные могут вызвать только напряженный искусственный ее рост, или, как говорят медики, гипертрофию, но это если и не погубит совершенно молодых зародышей ее (что нередко бывает), то, во всяком случае, отзовется очень вредными последствиями. Вот почему чрезмерные подвиги, за которые берутся часто сгоряча начинающие иноки, обыкновенно запрещаются опытными старцами.

Покойный батюшка отец Анатолий, Оптинский старец, бывший келейник известного отца Амвросия, говорил, бывало: «Большую охапку набрать немудрено, а донесешь ли? Путь дальний: до конца жизни нести... Как раз всю растеряешь. А ты по силе... по силе!..»

Я помню из времен далекого детства: на окне у нас стоял цветочный горшок, и в нем пышный душистый жасмин. Когда на нем появлялись первые бутоны, у нас часто не хватало терпения дождаться, когда они развернутся белыми, благоухающими цветами; и в нетерпении мы часто расковыривали бутон, освобождая нежные лепестки от зеленой крышки, цветок развертывался, к нашему восторгу, нежный, ароматный, но увыл!, ненадолго. Обыкновенно к вечеру того же дня он съживался, блек и погибал, и уже ничто не могло оживить его.

Так и в духовной жизни: искусственно форсировать ее – значит губить. На пятый этаж сразу не вскочишь: надорвешься! Надо идти по лестницам, ступенька за ступенькой, через все этажи, начиная с первого. Духовная жизнь, как цветок, требует постоянного внимания и длительного ухода; нужны настойчивость и непрерывная работа над собой.

Но как развить в себе настойчивость, если ее нет?

Если мы будем изучать жизнь святых подвижников, то найдем три условия, от которых зависела главным образом непрерывность и настойчивость их духовного делания.

Во-первых, единство цели. Вся жизнь их была проникнута одной целью – стремлением к Богу и к спасению души.

Во-вторых, полное отречение от себя и отдача своей жизни в волю Божию.

В-третьих, рождающееся из этих двух условий – громадное терпение.

Единство цели есть результат единства центра жизни. Когда человек весь проникнут любовью к Богу, когда каждая мелочь его жизни связана с мыслью о Боге, когда около себя он постоянно чувствует присутствие Бога, невидимо вездесущего, тогда, естественно, Бог является центром всех его устремлений, и каждый поступок определяется желанием угодить Богу и боязнью нарушить Его заповеди. В совершенном, вполне законченном виде это единство центра и цели мы находим, конечно, в Господе Иисусе Христе, этом высшем идеале нравственного характера. Вся Его жизнь и деятельность проникнуты мыслью о Боге Отце и единственной целью – спасти погибающего человека. Где бы Он ни проповедовал, что бы Он ни говорил, основной темой у Него всегда является Бог и спасение человечества.

Во всем Евангелии нельзя указать ни одного факта, где проявилась бы Его забота о Себе или стремление к каким-нибудь земным, временным целям. Все для Него заслонилось мыслью

о Боге. *Не можете служить Богу и маммоне*, – говорил Он, и Сам первый воплощал в Своей жизни эту цельность служения Богу.

Пока человек служит двум господам – Богу и маммоне, то есть к служению Богу примешивает и стремления к земным целям, служение земным кумирам, до тех пор в нем не может быть настойчивости, ибо эти служения несовместимы, взаимно противоречат одно другому, и человек принужден чередовать их в своей жизни, сменяя Бога маммоной и обратно, а это делает общую линию его поведения неустойчивой и колеблющейся.

Только когда в его душе образуется единый центр и единая цель – только тогда направление его деятельности становится постоянным и только тогда он может достигнуть великих успехов.

Это – закон воли не только в области религиозной жизни, но и во всякой другой. Все великие достижения человеческого ума и творчества были получены таким образом.

Когда Ньютона, гениальнейшего из астрономов мира всех времен и народов, открывшего закон тяготения и объяснившего систему равновесия небесных тел, спросили, каким образом он дошел до этого открытия, он ответил: «Непрестанно об этом думал!» Это значило, что тайна движения планет и звезд была для него единственным вопросом, неотступно занимавшим его мысль долгое время, своего рода единым центром сознания.

В Румянцевском музее есть прекрасная картина художника Александра Иванова «Явление Христа народу». Когда смотришь на нее, кажется, что она вся целиком написана сразу, в одном великом порыве вдохновения: так непринужденны позы фигур, так естественна компоновка и так цельно впечатление переданной художником общей идеи – порыв внимания многочисленной толпы, устремленной на Господа Иисуса Христа. Но пройдите в соседнюю комнату и вы увидите там массу подготовительных этюдов. Каждая фигура рисовалась предварительно отдельно, часто в нескольких набросках разных поз, из которых уже затем для картины выбиралась та, которая наиболее удовлетворяла художника.

Вам становится ясно, как долго и кропотливо работал художник над своим творением, как тщательно обдумывал он каждую подробность и как долго эта картина занимала все его внимание, служа главным центром его творческого воображения. В итоге этой настойчивой, длительной работы получилось действительно прекрасное произведение.

В период классической древности в Греции жил гражданин Афинской республики Демосфен. При республиканском строе, когда все вопросы политической и общественной жизни обсуждаются открыто с народной трибуны перед громадной аудиторией, особенное значение приобретают хорошие ораторы, благодаря громадному влиянию их речей на массу. В Афинской республике это влияние было особенно сильно, так как афиняне были очень чутки ко всему прекрасному, в том числе и к красивому слову. Поэтому хорошие ораторы пользовались у них большим почетом и славой. Эта почетная карьера соблазнила Демосфена. Он решил сделаться знаменитым оратором. Но первое его выступление перед народом было неудачно: его освистали. Причина заключалась в том, что, несмотря на весь свой ум, большой ораторский талант и умение красиво излагать свои мысли, он совершенно не обладал внешними данными для того, чтобы производить нужное впечатление на толпу. Небольшого роста, довольно невзрачного вида, с картавым произношением, слабым голосом и коротким дыханием, не позволявшим плавной речи и длинных закругленных периодов, он не мог рассчитывать на эффект. В довершение всего у него была нервная привычка подергивать одним плечом, что делало его смешным в глазах афинян, привыкших к красивым, выработанным жестам знаменитых ораторов. Неудача, однако, не обескуражила Демосфена.

Он понял свои недостатки и решил их побороть.

Началась упорная, настойчивая работа над собой.

Он удалился на морской берег, где скрылся в уединенной пещере, чтобы никто не нарушал его сосредоточенности, а чтобы побороть в самом себе желание видеть друзей и знакомых

и решительно отказаться от шумной столичной жизни, он обрил себе полголовы. В таком виде он никуда не мог показаться и волей-неволей должен был дожидаться, когда отрастут сбритые волосы.

В своем уединении он начал ряд последовательных упражнений. Чтобы развить у себя глубокое дыхание, он взбирался на крутые утесы и во время этих подъемов старался говорить, не останавливаясь. Чтобы выработать красивый звучный голос, он в часы приюта произносил длинные речи на морском берегу, пытаясь перекричать шум волн. Чтобы победить картавость и заставить себя говорить ясно, он брал в рот камушек и с камнем во рту старался выговаривать отчетливо каждый звук. Наконец, чтобы отучить себя от неприятной привычки подергивать плечом, он вешал к сводам своей пещеры острый меч и, произнося речь, становился под ним таким образом, чтобы при каждом резком движении плеча острое впивалось ему в тело.

После долгой упорной работы Демосфен достиг замечательных успехов. Когда он вышел из своего уединения и снова появился перед народом на ораторской трибуне, это был совсем другой человек. Красивый сильный голос, отчетливая дикция, плавные эффектные жесты, прекрасно построенная речь, звучные ритмичные периоды – все это сразу зачаровало и покорило толпу. Демосфен стал знаменитым оратором.

Но сколько настойчивости надо было, чтобы победить самого себя и свои природные недостатки, и эта настойчивость поддерживалась исключительно страстным, непреодолимым желанием стать оратором, желанием, которое на это время вытеснило из его души все остальное и сделалось центром всей его жизни.

Если в области чисто мирской, светской, сосредоточенность воли в одном центре дает такие результаты, то в области духовно-религиозной эти результаты прямо поразительны, так как слабой человеческой воле здесь спешествует еще всемогущая благодать Божия, и при ее подкреплении человек совершенно перерождается, обновляется, или, как говорит апостол Павел, становится новая тварь во Христе. Примеров такого полного перерождения в истории христианского подвижничества чрезвычайно много. Строго говоря, почти каждый святой прошел через этот процесс внутренней борьбы с собою, и победа в каждом случае достигалась настойчивостью, устремленной к одной цели – единению с Богом.

Из многочисленных примеров этого рода возьмем лишь один – преподобного Моисея Мурина, бывшего свирепого атамана разбойников, ставшего потом смиренным святым иноком. Но прежде чем он достиг этого, ему пришлось перенести чрезвычайно тяжелую, упорную борьбу с искушениями.

Вскоре после его обращения демоны постарались пробудить в нем былую его телесную нечистоту. Испытание было так сильно, что он, как сам о том впоследствии рассказывал, чуть было не отказался от своего намерения жить благочестиво. Изнемогая от борьбы, он отправился к великому Исидору, бывшему пресвитером в пустыне Скит и знаменитому святостью своей жизни и мудростью своих советов.

Исидор постарался его утешить и убеждал его не удивляться этому искушению, так как лишь недавно отрешась от дурного образа жизни, он несомненно должен пережить сильный позыв к прежнему злу. Опытный старец объяснил ему, что эти привычки телесной нечистоты подобны собакам, которые, привыкнув глотать кости в какой-нибудь мясной, всегда возвращаются к ней, пока есть возможность туда войти. Но если им не бросать ни одной кости и запереть перед ними дверь мясной, то они больше не возвращаются и идут в другие места, чтобы найти, чем утолить свой голод.

Моисей, укрепленный и утешенный этим спасительным наставлением, заключился в келье и стал смирать свое тело различными подвигами, особенно же постом.

Он не ел ничего, кроме небольшого количества хлеба в день, много работал и молился пятьдесят раз в день. Мысль о Боге, о единении с Ним, о прощении и спасении души не покидала его. Вся цель жизни для него сосредоточилась только в этом. Но время освобождения

его от искушений еще не настало. Господь, Который желал возвысить его достоинство умножением его победы, допустил, чтобы, несмотря на все усилия его смирить свою плоть, он не имел покоя в мыслях, особенно по ночам. Это побудило его снова прибегнуть к совету других, и он рассказал о своем положении одному пустынному старцу, который считался иноком совершенной жизни.

– Что делать мне, отче? – сказал он ему. – Мои сны потемняют мой ум, и старая моя привычка ко злу делает то, что моя душа услаждается нечистыми образами.

На признания Моисея старец ему отвечал:

– Это происходит оттого, что ты с недостаточным упорством отвращаешь свой ум от этих воспоминаний. Приучи себя бодрствовать, молись усердно – и ты увидишь, что искушения пройдут.

Моисей вернулся в свою келью, твердо решив поступить по тому совету, и стал проводить ночи на ногах, посреди своей кельи, не закрывая глаз, постоянно молясь и не становясь для молитвы на колени из боязни, что его тело от этой перемены положения почувствует облегчение и даст демону случай искушить его. Несмотря на всё, страсти продолжали бушевать. Тогда он взялся за новый подвиг самоумерщвления и трудолюбия – всякую ночь он обходил кельи отшельников, которые по преклонности своего возраста и по немощи своих сил не могли ходить сами за водой, так как она находилась далеко. Он брал без их ведома их кувшины и приносил их наполненными, проходя для этого иногда до пяти миль, смотря по расположению кельи.

Это утонченное милосердие, которое обрекало его на великую усталость и тем самым уничтожало паливший огонь страстей, еще более возбуждало против него ярость демонов. Но преподобный говорил обыкновенно: «Я не перестану бороться прежде, чем демоны не перестанут мучить меня соблазнительными снами» (Е. Поселянин. Пустыня).

Шесть лет боролся таким образом преподобный Моисей, пока наконец желанный покой и мир не водворились в его душе.

Он победил. Победила его настойчивость. Но это было бы для него совершенно невозможно, если б его душой не владела единственная мысль, единственная цель – прийти к Богу. На этом пути для него выростала страшная, едва одолимая преграда – его бушующие страсти, и для того, чтобы победить их терпеливой работой над собой в течение шести лет и не отступить, не поколебаться, – для этого необходимо было, чтобы эта главная цель жизни всегда светила ему как путеводная звезда, манила к себе неотразимо и побуждала к непрерывной борьбе. Так и для каждого христианина образ Господа Иисуса Христа должен быть центральной точкой, около которой кристаллизуется вся духовная жизнь, и тогда вся воля развивается в одном направлении, приобретая громадное упорство и настойчивость.

Второе условие настойчивости в жизни христианских подвижников это – полная отдача себя в волю Божию. Это кажется странным на первый взгляд. Когда мы говорим о настойчивости, то обыкновенно разумеем именно способность и силу настоять на своем, добиться исполнения своих желаний. А здесь требуются отречение от своей воли и подчинение Богу. Настойчивость и подчинение!.. Разве это совместимо?

Несомненно. В исполнении Божиих предначертаний и заповедей можно быть столь же настойчивым, как и в исполнении своих желаний, и даже гораздо более, потому что в подчинении Богу воля человека находит такую могучую опору, какой не может быть в деятельности, основанной на самохотении и самоопределении. Субъективно эта опора состоит в том, что требования Божиего закона имеют для человека гораздо большую силу авторитетности, чем его собственные желания. Как бы человек ни был горд, как бы ни склонен он был преувеличивать свои достоинства и способности, в глубине сознания он все же не может поставить их так высоко, как верующий ставит для себя Бога. Поэтому его личные желания могут переживаться очень остро, могут дойти до степени страсти, но они никогда не приобретут

той нравственно-повелительной силы, какую имеют для верующего заповеди и требования Божественной воли. В своих собственных желаниях человек или неизменно замечает элементы самолюбия и эгоизма, что лишает их нравственной чистоты и обязательности для совести, или же в тех случаях, когда его деятельность свободна от эгоистических побуждений и вся устремлена на пользу ближнего, он не может быть безусловно уверен в правильности пути, избранного для их практического осуществления, ибо сознает, что выбор этот определен его собственным умом, силу которого он не может считать абсолютной. В том и другом случае неизбежные сомнения ослабляют твердость и уверенность его деятельности. Этих сомнений не знает верующий человек, всецело подчинившийся воле Божией.

Объективно опора для деятельности, согласованной с волей Божией, заключается в том, что Господь незримо помогает Своему верному слуге, творящему Его волю. Эта великая, могущественная помощь, с одной стороны, а с другой, – уверенность в правильности пути, указанного перстом Божиим, и в безусловной святости и непогрешимости норм, данных Господом для человеческой деятельности, приводят в результате к тому, что человек верующий, подчинившийся Богу и всецело опирающийся на Его всемогущую волю, духовно бесконечно настойчивее и сильнее, чем неверующий, служащий исключительно своему «я» и руководящийся своими эгоистическими желаниями и указаниями своего рассудка.

Третьим условием настойчивости является терпение. У святых подвижников оно всегда было громадно. Значение его в христианском подвиге совершенно ясно: чтобы вести непрерывную борьбу с искушениями, постоянно напряженно работать над собою и до последней минуты своей жизни не отступить, не бросать начатого дела, не доведя его до конца. Для этого надо уметь мужественно переносить, во-первых, страдания и лишения, всегда связанные с христианским подвигом, а во-вторых, неизбежные ошибки, падения и неудачи, которые легко могут вызвать уныние и ослабить энергию неопытного христианина. Дьявол всегда пользуется неудачами, стараясь раздуть их значение до размеров настоящей катастрофы, чтобы довести подвижника до отчаяния и принудить его прекратить борьбу. Умение переносить страдания и не смущаться неудачами и есть форма христианского терпения. Оно естественно развивается из двух ранее указанных условий настойчивости, то есть из единства цели жизни и покорности Богу, и без них вряд ли может кто-либо достигнуть высокой степени. Терпеть страдания, зная, что это угодно Богу, и переносить неудачи, зная, что они попускаются Богом для нашего воспитания в смирении, неизмеримо легче, чем не понимая, зачем и для кого это нужно. Бесмысленные, ненужные лишения, самые незначительные, чувствуются гораздо тяжелее и раздражают гораздо больше, чем великое горе, целесообразность которого нам ясна.

В вопросе о воспитании терпения могут быть полезны еще следующие замечания.

Часто наше нетерпение в христианском делании зависит от того, что мы скорее хотим насладиться плодами сделанных усилий и иметь скорый, заметный для нас успех. На второй день после обращения к Богу мы уже хотим быть святыми.

Если этого не получается, нам начинает казаться, что наши усилия пропадают даром, и мало-помалу уныние овладевает душой. Мы часто способны бываем на крупный геройский поступок, ибо там успех обнаруживается сразу, но в будничной, черновой работе, не дающей быстрых заметных результатов, наша энергия скоро беднеет и гаснет.

Чтобы предотвратить уныние, надо твердо помнить, что ни одно усилие, как бы мало оно ни было, не пропадает безрезультатно и в душе свой след оставляет. Если мы не замечаем успехов, то чаще всего потому, что наш духовный взор еще недостаточно опытен, чтобы их различить, если они не проявляются в крупных размерах, но если усилие сделано добросовестно, то результаты несомненны, в этом можно быть уверенным. Посмотрите, как медленно, незаметно растет дерево. Почти невозможно определить, насколько оно выросло за сутки, и только в конце года обнаруживается значительный прирост. Так и в духовной жизни.

Всегда лучше смотреть не на конечную цель своих стремлений, а на ближайший шаг, который предстоит сделать. В христианской жизни эту конечную цель рассмотреть ясно почти и невозможно, так как идеал здесь бесконечен и тонет в отдалении, а сравнивать пройденный путь с тем расстоянием, которое еще предстоит пройти, – занятие и бесполезное, и способное внушить уныние. Как бы далеко ни ушел человек вперед, перед ним все еще расстилается такая бесконечно длинная дорога, что он всегда кажется себе находящимся в самом начале пути. Поэтому никогда не следует мерить, насколько ты вырос в духовном отношении, а все внимание обратить на то, чтобы как можно лучше сделать следующий шаг.

Лучше думать о том, что ты должен делать, а не о том, чего ты можешь достигнуть. Исполняй свой долг добросовестно и не заботься много о результатах. С доверием предоставь это Господу.

Всегда помни правило древнего мудреца Семея: «Обязанности – твои, а следствия – Божии».

Глава 2, ст. 13—28

В данном отрывке евангелист Марк впервые отмечает те разногласия, которые начали обнаруживаться между Иисусом Христом и руководящим классом еврейского народа – фарисеями и книжниками – в их взглядах на религию и ее значение в жизни человека. Совершенно различное понимание религии и ее целей порождает между ними первые недоразумения, скоро переходящие у фарисеев в затаенную вражду и глухую ненависть. Три точки разногласия отмечает святой Марк. Три серьезных замечания делают фарисеи Христу.

Когда Господь призвал в число Своих учеников сборщика податей Левия Алфеева, впоследствии ставшего апостолом с именем Матфей, последний в порыве великой радости устроил у себя пир.

На этот пир он пригласил своих прежних друзей, таких же мытарей, каким был сам, а также многих из той толпы, которая постоянно окружала Господа Иисуса Христа и которая состояла главным образом не из профессионалов религии, а из людей обыкновенной, суетной, греховной жизни, как большинство из нас. На пиру Левия Господь оказался в компании мытарей и грешников.

Это обстоятельство вызвало негодование фарисеев.

– Как это ваш учитель, – сказали они ученикам Господа, – ест и пьет с мытарями и грешниками?

Сборщиков-мытарей они ненавидели, видя в них предателей нации, ибо мытари служили ненавистной чужестранной римской власти, занимаясь досмотром товаров, взиманием пошлин за ввоз и вывоз и сбором путевых пошлин на мостах и дорогах. Всех же, кто не принадлежал к фарисейскому кругу и не слишком строго придерживался исполнения обрядного Моисеева закона и преданий старцев, они глубоко презирали, считая грешниками.

Только себя признавали фарисеи «чистыми» и достойными последователями Моисея и ни за что не унизились бы до того, чтобы иметь общение с мытарями и людьми легкомысленными или неопрятными в религиозном отношении. И вдруг этот прославленный Пророк из Назарета, о Котором так много говорят, ест и пьет вместе с этим отребьем. Он с ними беседует, Он их учит! Какая профанация религиозной проповеди и какой позор для человека, претендующего быть учителем и наставником Израиля!

Второе разногласие вызвал вопрос о посте. Строгие законники во всем, фарисеи были такими же и в отношении постов. Все посты, заповеданные законом и преданием, они считали строго обязательными не только для людей, образовавших религиозную общину и желавших вести религиозную жизнь, какими им казались ученики Господа Иисуса Христа, но и вообще для всех сынов Израиля; и вдруг в этой маленькой общине, сформировавшейся вокруг нового Пророка, не признают постов! Ученики Иисуса не постятся!

Понятен возмущенный вопрос: «Почему Твои ученики не постятся?»

Третье недоразумение возникло по вопросу об отношении к субботе, этом своего рода «табу» еврейского раввинизма, где никакие отступления от раз установленных правил не допускались. Инцидент, вызвавший это недоразумение, был следующий: *Случилось Ему в субботу проходить засеянными полями, и ученики Его дорогою начали срывать колосья.*

Евангелист Лука добавляет: *они срывали колосья и ели, растирая руками* (Лк. 6, 1).

И фарисеи сказали Ему: смотри, что они делают в субботу, чего не должно делать?

Срывать колосья руками на чужой ниве, не употребляя серпа, Моисеевым законом разрешалось (Втор. 23, 25). Это не считалось воровством, и не в этом состояло преступление учеников, вызвавшее замечание фарисеев. Нарушение закона, с их точки зрения, заключалось, во-первых, в том, что в этот день еще нельзя было есть нового хлеба. Первый сноп нового урожая обыкновенно приносился сначала священнику, который возносил его пред Господом

в жертву. Это делалось по закону на другой день праздника опресноков, или на третий день Пасхи, 16-го числа месяца Нисана. *Никакого нового хлеба, – гласил закон, – ни сушеных зерен, ни зерен сырых не ешьте до того дня, в который принесете приношение Богу вашему: это вечное постановление в роды ваши во всех жилищах ваших* (Лев. 23, 14). Господь Иисус Христос со Своими учениками проходил полем, по свидетельству святого Луки, в так называемую второпервую субботу, то есть в субботу, случившуюся 15-го Нисана (по толкованию святого Исидора Пелусиота). Значит, ученики, срывая и вкушая колосья, не дождались ровно одного дня, когда они могли сделать это на законном основании. Но самое ужасное, по фарисейским понятиям, состояло в том, что ученики срывали колосья и растирали их руками в субботу! Ведь, идя дальше в этом направлении, можно было допустить в субботу и жатву и молотьбу! А это законом определенно запрещалось: *шесть дней можно делать дела, а в седьмой день суббота покоя, священное собрание; никакого дела не делайте* (Лев. 23, 3),

Вероятно, фарисеи ожидали, что Господь остановит учеников и напомнит им древнее правило, но не дождавшись этого, они сами обращают Его внимание на возмутительное нарушение закона: *смотри, что они делают в субботу!*

Таковы три факта, выявившие разногласие между Господом Иисусом Христом и фарисеями.

Ни в одном из этих случаев Господь не встал на точку зрения фарисеев и не поддержал их негодование. Ясно, что в оценке фактов религиозной жизни и в понимании ее сущности они резко расходились. Строго говоря, высказывания фарисеев имели под собой формальные основания, особенно в вопросах о посте и субботе. Здесь они стояли на почве буквального понимания закона, но этот закон в их понимании являлся чем-то мертвым, застывшим, не допускавшим решительно никаких изменений или приспособлений к живой душе человека, и потому он потерял дух жизни, подобно сухому дереву, которое уже не может расти и развиваться, а может только гнить.

Господь Иисус Христос относился к Моисееву закону совершенно иначе.

Он никогда не отвергал Ветхого Завета. *Не думайте, что Я пришел нарушить закон... не нарушить пришел Я, но исполнить* (Мф. 5, 17), – говорил Он. Он с большой силой подтверждает его, особенно когда замечает его лукавое извращение или нарушение во имя человеческих преданий старцев, как это мы видим в споре о пятой заповеди, дух которой фарисеи до того исказили, что вопреки категорическому требованию закона позволяли человеку во многих случаях забывать о своих обязательствах к родителям или же уклоняться от них путем лицемерной казуистики (Мк. 7, 6—13). В текстах Священного Писания Ветхого Завета Он ищет правила поведения или опоры в борьбе с искушениями (Мф. 4, 4, 7, 10). Своих учеников Он упрекает за недоверие к ветхозаветным пророкам (Лк. 24, 25). Доктрины Ветхого Завета о сотворении мира, о человеке, о праведности, о Промысле Он считает неоспоримыми. На истории израильского народа, изложенной в книгах Ветхого Завета, Он основывает Свою миссию. В Своих проповедях и поучениях Он часто пользуется изречениями, мыслями, образами и сравнениями, взятыми из Ветхого Завета. Он так хорошо его знает, что это знание возбуждает удивление даже среди книжников.

Но Господь Иисус Христос не только знал Ветхий Завет – Он всегда требовал его исполнения. Исцелив прокаженного, Он требует, чтобы тот пошел показаться священнику и принес жертву за очищение, как это было постановлено законом Моисея (Мф. 8, 4, см. Лев. 14, 3—4).

Когда к Нему обращается юноша с просьбой научить, как наследовать жизнь вечную, Он прежде всего требует от него исполнения заповедей Ветхого Завета (Мк. 10, 19).

Когда наступает время Пасхи, Он поручает ученикам приготавливать все нужное для праздника, как это требовал закон Моисеев (Лк. 22, 8).

Можно было бы привести много примеров, говорящих о том уважении, с каким Господь относился к Ветхому Завету. Несомненно, Он считал его не только полезным и нужным для духовной жизни, но и обязательным для человека как Слово Божие.

Здесь мимоходом можно подчеркнуть урок, вытекающий для нас: если Господь находил книги Ветхого Завета нужными и полезными, то, очевидно, они имеют такое же значение и для нас, хотя мы и пользуемся высшей формой Божественного Откровения – Новым Заветом. Необходимое Христу – необходимо и нам. Поэтому то пренебрежение и недоверие, которое замечается иногда среди некоторых христиан по отношению к Священному Писанию Ветхого Завета, совершенно ни на чем не основано.

Но признавая и почитая книги Ветхого Завета как Божественное Откровение, Господь относится к ним гораздо свободнее и совершенно иначе, чем фарисеи. Глубоко чтя проводимые здесь основные принципы как плод озарения Святого Духа, Он считает ветхозаветные формы практического их осуществления в жизни вполне допускающими изменения, и, никогда не отступая от духа Священного Писания, Он тем не менее не связывает ни Себя, ни Своих последователей формальными предписаниями древнего закона. Жизнь меняется, меняются, как в калейдоскопе, ее условия, и те обряды, обычаи и норма внешнего поведения, которые были практичны и пригодны несколько столетий тому назад, становятся совершенно непригодными и даже неисполнимыми в данный момент.

Но дух, этот вечный абсолютный и живой дух, действующий постоянно в человеке, в его жизни, в его истории, дух добра, истины, правды – должен быть всегда один и тот же, проявляясь лишь в различных обнаружениях, в зависимости от эпохи. Так, например, древний закон Моисея повелевал купившему раба из соотечественников держать его в рабстве не более шести лет, а в седьмой год отпускать на свободу и при этом добавлял: *когда же будешь отпускать его от себя на свободу, не отпусти его с пустыми руками, но снабди его от стад твоих, от гумна твоего и от точила твоего: дай ему, чем благословил тебя Господь, Бог твой* (Втор. 15, 13–14). В этом постановлении сказывается дух милосердия, дух любви к ближнему, но можем ли мы исполнить это правило? Понятно, нет, так как в рабство у нас теперь не продаются и сам институт рабства давно уничтожен, поэтому и дух милосердия в настоящее время должен искать своего выражения в других, современных формах благотворительности.

Другой пример: для невольных убийц, то есть совершивших убийство неумышленно, по неосторожности, Моисеев закон отводил три города, где они могли искать убежища от мести родственников убитого. Здесь говорил дух правосудия, ибо человека, виновного только в неосторожности, карать как за умышленное убийство, конечно, несправедливо.

Но у нас нет ни городов убежища, ни родовой мести, и правило это отпадает само собой. Дух справедливости находит выражение в других формах. Ясно, что формы человеческого поведения и жизни, выражающие веления религиозного духа, и не могут быть вечно одними и теми же, застывшими, омертвевшими, и требовать этой неизменности формы – значит на живой орган накладывать лубки.

Результат всегда будет один и тот же: ослабление живой силы религии и омертвление тканей души.

Более того: если религиозные формы держать всегда педантично неизменными, не считаясь с потребностями духовно развивающегося человека, то эти формы или искалечат духовную жизнь, дадут ей уродливое развитие, или совершенно остановят ее рост. Если ребенка постоянно держать в пеленках, не снимая их и не ослабляя, то он расти не сможет. Китайки для того, чтобы иметь маленькие ноги, чего требует мода, держат их с детского возраста всегда туго забинтованными. Это сохраняет детский размер ноги, останавливая ее рост, но страшно уродует ее и сопровождается сильной болью.

Так бывает всегда там, где есть живая органическая сила жизни и роста. Так и в религии: по мере того, как дух Божий, дух добра и правды, все полнее и совершеннее воплощается в

жизни человека, старые формы, как детские пеленки, становятся для него все теснее, и он неизбежно, хотя часто постепенно и незаметно, их меняет. Сама жизнь в той мере, как она развивается и проникается новым духом, перерастает старые рамки, не уместается в них и естественно стремится их раздвинуть, и если, не считаясь с этим ростом, оставить эти рамки в прежнем виде, без всяких изменений, то жизнь просто их разломает, как поднимающаяся внешняя вода в реке ломает сковывающий ее лед. Этот именно закон духовной жизни и выразил Господь в словах: *Никто не вливает вина молодого в мехи ветхие: иначе молодое вино прорвет мехи, и вино вытечет, и мехи пропадут; но вино молодое надобно вливать в мехи новые* (Мк. 2, 22).

Господь Своим учением, жизнью и смертью поднял религию на такую громадную высоту, в такой полноте сообщил уверовавшим в Него духа истины и благодати, что не только формы внешнего богослужения оказались устаревшими, но сами правила жизни и поведения пришлось расширить и углубить, чтобы в них могло отразиться это веяние нового духа. Отсюда ряд анти-тез, естественно возникающих при сопоставлении нового учения со старыми правилами:

Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду (Исх. 20, 13). *А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду* (Мф. 5, 21–22).

Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй (Исх. 20, 14). *А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 27–28).

Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную (Втор. 24, 1). *А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать* (Мф. 5, 31–32).

Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои (Лев. 19, 12; Втор. 23, 21). *А Я говорю вам: не клянись вовсе... Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет* (Мф. 5, 33–34, 37).

Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб (Исх. 21, 24). *А Я говорю вам: не противься злому* (Мф. 5, 38–39).

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего (Лев. 19, 17). *А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас* (Мф. 5, 43–44).

В этих антитезах нет противоречия древним правилам. Они не отменяют, но лишь развивают и усовершенствуют нормы Ветхого Завета. В них веет тот же дух любви и правды, но уже поднявшийся со ступени младенческого состояния человечества на громадную высоту развития и совершенства.

Так и смотрит Господь на взаимное отношение Ветхого и Нового Заветов. *Не думайте, – говорит Он, – что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить* (Мф. 5, 17). Русское слово «исполнить» не совсем точно передает оттенок мысли. Стоящее здесь у Матфея греческое слово означает: «восполнить», дать полноту, законченность. Другими словами, Господь хочет сказать, что Его новозаветное учение не нарушает и не отменяет Моисеева закона, но восполняет и развивает его. Фарисеи расширяли древний закон, отыскивая все новые случаи его применения, опутывая всю жизнь мелочными, формальными предписаниями, порождая предания старцев в невероятном количестве, или, как говорит пророк Исаия: *стало у них словом Господа: заповедь на заповедь, заповедь на заповедь, правило на правило, правило на правило, тут немного, там немного, – так что они пойдут... и попадут в сеть и будут уловлены* (Исх. 28, 13). В этих попытках регламентировать все мелочи жизни неизменными мертвыми правилами, формально выведенными из закона, они сохраняли букву закона, но нередко нарушали его дух (Мк. 7, 6–13).

Иисус Христос, наоборот, углубляет и развивает принципы ветхозаветного законодательства, усиливает его духовную напряженность. Он сохраняет его дух, но нередко нарушает форму. В этом заключается основная и существенная разница в отношениях к Ветхому Завету Господа Иисуса Христа и фарисеев.

Отчего получилось такое различие?

Оттого, что Господь смотрит на религию неизмеримо глубже, чем фарисеи. Для Него сущность религии и заключается в живом союзе души человека с Богом, союзе любви. *Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино...* *Да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них* (Ин. 17, 21, 26), – так молится Он Отцу Своему. Любящая Бога человеческая душа – вот то, что для Него наиболее ценно, а каким образом эта душа дошла до любви, объединяющей ее с Богом, – это вопрос, строго говоря, второстепенный, не имеющий существенно важного значения. Человек может воспитывать эту любовь и ортодоксальными средствами, строгим выполнением выработанных религией обрядов и постановлений, имеющих педагогическое значение, но может достигнуть той же цели и совершенно своеобразным путем, как, например, достигали святые отшельники, пребывание которых в пустыне требовало от них особого образа жизни и особых правил внешнего поведения. В христианстве оценивается не столько деятельность человека, сколько качества души его, проявляющиеся в этой деятельности. Святитель Николай публично заушил Ария и был осужден отцами Собора, усмотревшими в этом поступке нарушение дисциплины любви, но Бог оправдал Своего избранника, ибо в этом заушении сказалась горячая ревность святителя о вере, его великая любовь к Богу и, несомненно, к тому же Арию, хульные речи которого надо было остановить, дабы не поразил его гнев Божий. Господь, как всегда, смотрит в корень вещей. Таким корнем в духовной жизни является душа; внешние деяния – это только плоды. Важно прежде всего, чтобы корень – душа – был здоров, тогда и плоды будут хороши. *Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые* (Мф. 7, 17–18).

Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его (Лк. 6, 45).

Стоя на этой точке зрения, Господь и все внешние установления религии, ее обряды, правила, обычаи оценивает исключительно по их связи с душой человека, то есть поскольку они или выражают религиозные настроения и движения души, или служат средством ее религиозного воспитания. *Суббота для человека, а не человек для субботы*, – говорит Он (Мк. 2, 27).

Это значит, что все внешние формы, в которых проявляется религиозная жизнь, хороши и ценны, если они содействуют духовному развитию человека и помогают ему приблизиться к Богу. Ценны искренние молитвы, потому что они служат выражением веры, благоговения и любви к Богу, преклоняя Господа на милосердие к молящемуся, сближают Бога с человеком. Ценны церковные службы, полные символизма и глубоко трогательных обрядов, ибо они развивают в человеке религиозное чувство. Ценны дела милосердия и различные благочестивые упражнения, ибо они воспитывают благонастроенную волю, стремящуюся к Богоугождению.

Но все эти формы религиозных проявлений становятся бессмысленными, если они теряют связь с живой душой. Бессмысленны и бесцельны молитвы, если они произносятся только устами и если в них не участвует ни ум, ни сердце. Становятся совершенно ненужными обряды, если они не воспитывают душу в любви и покорности к Богу. Даже дела благотворительности и служения ближнему теряют свою ценность, если человек не участвует в них душой (1 Кор. 13, 3).

Если мы поймем все это, поймем взгляд Господа на религию и на религиозную жизнь, то нам станет ясен смысл всех трех ответов, в которых обнаружилось Его разногласие с фарисеями.

Когда фарисеи упрекают Его в том, что сближением с мытарями и грешниками Он позорит Свое звание духовного учителя, Господь отвечает им: *Не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию.*

Самое ценное для Бога – душа человека. Поэтому и обязанность религиозного учителя именно в том и состоит, чтобы эту душу, омраченную, недугующую грехом и ушедшую от Бога, просветить, исцелить и снова вернуть к Творцу. Не нужен тот учитель, который не идет за этой душой, гнушаясь ее язв, и бессмысленно его величаво-надменное стояние в отдалении от людей, требующих его руководства. Если он желает оставаться лишь в незапятнанном кругу праведников, то он бесполезен и не делает своего дела.

На вопрос, почему ученики Его не постятся, Господь отвечает: *могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? Доколе с ними жених, не могут поститься, но придут дни, когда отнимется у них жених и тогда будут поститься в те дни* (Мк. 2, 19–20).

Это значит: пост не соответствует их теперешнему настроению. Пост есть внешнее выражение душевной скорби и сокрушения о грехах. Но сейчас для них время радости, ибо Я, Господь и Учитель их, с ними. Было бы смешно, если бы гости, приглашенные на свадебный пир, скорбели и постились. Так и для их ликующей души пост не только бесполезен и бессмыслен, но был бы лишь вредным лицемерием. Наступят дни, когда Меня не будет с ними, тогда будут скорбеть и поститься. Тогда пост будет для них потребностью души и выражением тоскующей любви. Тогда он будет нужен.

Когда, наконец, фарисеи упрекнули учеников Иисусовых в том, что они срывали и ели колосья в субботу, Господь сказал в ответ: *неужели вы не читали никогда, что сделал Давид, когда имел нужду и взалкал сам и бывшие с ним? как вошел он в дом Божий при первосвященнике Авиафаре и ел хлебы предложения, которых не должно было есть никому, кроме священников, и дал и бывшим с ним?* (ст. 25–26).

Эпизод, который указывает Господь, относится к тому времени, когда Давид спасался от преследования Саула, и подробно описан в первой книге Царств, глава 21, ст. 1–6. Хлебы предложения считались великой святыней (Лев. 24, 9), и никто из посторонних не смел их вкушать по закону Моисееву. Однако Давид нарушил это постановление, ибо в противном случае ему и его свите грозила опасность погибнуть от голода. Господь не порицает Давида, ибо постановления закона имеют в виду пользу человека и его души, и там, где буквальное исполнение их связано с очевидным вредом для человека, они, конечно, могут быть отменены.

Точно также нельзя упрекать и апостолов, что они по нужде нарушили субботу, ибо *суббота для человека, а не человек для субботы* (ст. 27).

Фарисеи смотрели совершенно иначе. Вряд ли они когда-нибудь задумывались серьезно о необходимости совершенствовать прежде всего душу, вряд ли именно в этом видели волю Божию и главную цель религии и вряд ли рассматривали постановления закона как воспитательное средство религиозного развития. Для них исполнение закона уже само по себе было средством богоугождения, и, забывая, что Бог не от рук человеческих угождение приемлет, они воображали, что чисто механическим исполнением всех обрядовых предписаний они обеспечивают для себя должную милость и награду. Вот почему, исполнив эти предписания, фарисей был вполне доволен собой и больше ни о чем не заботился. «Разве я не все исполнил, и в чем я ошибся?», – таково было обыкновенное присловие фарисея. Обряды и постановления закона приобретали, таким образом, значение своего рода магических средств, исполнение которых было для человека обязательно, если он хотел получить милость у Бога. У фарисеев человек был для субботы, а не суббота для человека. Он мог умирать с голоду, если ему это было угодно,

но субботние постановления он обязан был выполнить, ибо в противном случае он навлек на себя, по их мнению, гнев Божий.

Этот взгляд на сакраментальное значение обрядов не изжит и до сих пор даже в христианстве, особенно среди нашего старообрядчества. Там обряды тоже приобрели совершенно несвойственное им значение самодовлеющих средств богоугождения и потому объявлены неизменными и неприкосновенными. «До нас положено: лежи так оно во веки веков», – говорил первый вождь раскола старообрядчества протопоп Аввакум.

Но для нас, конечно, это мнение неприемлемо. Бесконечно выше взгляд Господа, Который все обряды и постановления внешнего закона рассматривал с точки зрения их пользы для души человека. Чтобы тем отчетливее выяснить эту точку зрения, позвольте привести сравнение.

Когда архитектор начинает строить храм, он прежде всего ставит леса. Без этого работа невозможна: вы можете выложить пять-десять ярусов кирпичей, но больше этого не пойдет. Леса позволяют вам вести постройку до громадной высоты, и чем выше она поднимается, тем выше протягиваются по лесам лестницы и платформы для рабочих. Только когда постройка закончена, леса снимаются, и чудное здание храма Божия вырастает перед вами во всей красоте своей.

Леса – это обряды и правила внешнего поведения. Их задача – содействовать воспитанию души и постройке в ней храма Божия, что и является главной целью духовной работы.

Нужны ли они?

Ясно, что нужны, ибо без них храма не построить. В лучшем случае можно вывести лишь первый ярус, но всю постройку закончить невозможно.

Изменяемы ли они?

Опять-таки ясно, что да. По мере того, как идет вперед развитие пути, и внешние вспомогательные средства должны становиться возвышеннее и сложнее, приспособляясь к этому развитию. Для детей нужно молоко, для взрослых – твердая пища (1 Кор. 3, 2).

По мере роста дерева необходимо удлинять палочку, к которой оно привязано.

Но достаточно ли ограничиться постройкой лесов, то есть исполнением внешних обрядов и предписаний, как ограничивались фарисеи?

Конечно, нет. Ставить леса бессмысленно, если не строить храма. Сами по себе они ни на что не нужны.

Надо твердо помнить, что если Господь должен быть центром всей человеческой жизни и царствовать в душе человека, то первая забота христианина должна состоять в том, чтобы построить в душе достойный для Него храм, то есть очистить и приготовить, воспитать душу.

В этом заключается главная забота. Сюда должны быть устремлены все силы и внимание, и вся религиозная жизнь и деятельность должна рассматриваться под этим углом зрения.

Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? (1 Кор. 3, 16). Вы храм Бога живого, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом (2 Кор. 6, 16).

Глава 3, ст. 1—6

Снова евангелист рассказывает о столкновении, происшедшем между Господом и фарисеями, и снова это столкновение произошло по вопросу о субботе.

В вопросе о субботе книжники и фарисеи были особенно неуступчивы и ревнивы, ибо они здесь опирались не просто на древний обычай или предание старцев, но на определенное повеление Божие. Четвертая заповедь Синайского законодательства гласила:

Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай, и делай [в них] всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни [вол твой, ни осел твой, ни всякий] скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его (Исх. 20, 8-11).

А тридцать первая глава книги Исход говорила еще решительнее: *И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым так: субботы Мои соблюдайте, ибо это – знамение между Мною и вами в роды ваши, дабы вы знали, что Я Господь, освящающий вас; и соблюдайте субботу, ибо она свята для вас: кто осквернит ее, тот да будет предан смерти; кто станет в оную делать дело, та душа должна быть истреблена из среды народа своего; шесть дней пусть делают дела, а в седьмой – суббота покоя, посвященная Господу: всякий, кто делает дело в день субботний, да будет предан смерти (Исх. 31, 12–15).*

На основании этих прямых и решительных требований закона Моисеева еврею запрещено было в субботу всякое дело: нельзя было ни развести огня, ни сварить пищи; даже передвижение ограничено было мерою 2400 шагов. Постановления эти поддерживались с неумолимой строгостью, и требование книги Исход о казни за осквернение субботы исполнялось буквально.

В книге Числа мы читаем такой эпизод.

Когда сыны Израилевы были в пустыне, нашли человека, собиравшего дрова в день субботы; и привели его нашедшие его собирающим дрова [в день субботы] к Моисею и Аарону и ко всему обществу [сынов Израилевых]; и посадили его под стражу, потому что не было еще определено, что должно с ним сделать. И сказал Господь Моисею: должен умереть человек сей; пусть побьет его камнями все общество вне стана. И вывело его все общество вон из стана, и побили его камнями, и он умер (Чис. 15, 32–36).

Еще более поразительный случай рассказывается в первой книге Маккавеев. Во время восстания Магтафии отряд возмущившихся иудеев, ревнителей отеческого закона, укрылся в горах, где в субботу и был настигнут войсками царя Антиоха. Когда те начали сражение, иудеи оказались совершенно беззащитными, ибо в субботу не хотели сражаться, и они не отвечали им, ни даже камня не бросили на них, ни заградили тайных убежищ своих, и сказали: мы все

умрем в невинности нашей; небо и земля свидетели за нас, что вы несправедливо губите нас. Нападали на них по субботам, и умерло их, и жен их, и детей их со скотом их, до тысячи душ (1 Мак. 2, 36–38).

Так ревниво оберегался среди евреев покой субботнего дня! Правда, требования жизни мало-помалу брали свое, и чтобы не оказаться в безвыходном положении, подобно маккавейскому отряду, пришлось допустить много казуистических отступлений и обходов субботнего закона, но внешне он исполнялся очень строго. Врачебная практика также была запрещена в субботу, и, подводя под понятие врачевания чудесные исцеления больных Господом Иисусом Христом, фарисеи и эту деятельность считали недозволенной.

Когда однажды Господь исцелил в синагоге больную скорченную женщину, *начальник синагоги, негодуя, что Иисус исцелил в субботу, сказал народу: есть шесть дней, в которые должно делать; в те и приходите исцеляться, а не в день субботний* (Лк. 13, 14). Жалкий буквоед, он не понимал той простой и очевидной истины, что если Богу неуютны были исцеления в субботу, то Он и не допустил бы силе Своей совершаться в них, ибо силой Божиею они были совершены.

Зная отношение Господа к вопросу о субботе, фарисеи, рассказывает евангелист Марк, *наблюдали за Ним, не исцелит ли его в субботу, чтобы обвинить Его*. А в синагоге, куда пришел Господь, находился в это время человек, имевший сухую руку.

Пройти мимо него безучастно, не оказав никакой помощи, Господь не хотел, но Он видел озлобленные, подстерегающие взоры фарисеев и решил дать им урок.

Он же говорит человеку, имевшему иссохшую руку: стань на средину. А им говорит: должно ли в субботу добро делать, или зло делать? душу спасти, или погубить? Но они молчали.

Что могли они ответить? Простой, ясный, мудрый вопрос Господа сразу обличал всю нелепость их позиции. В самом деле: что сказать? Сказать, что добро делать в субботу можно, это значило признать допустимыми и исцеления, а это производило уже коренную ломку в их взглядах и учении о субботе. Более того: это значило признать перед всем народом несправедливость злостных нашептываний и нападков на Иисуса и ошибочность собственных суждений. Профессиональное самомнение и гордость книжников допустить этого не могли. С другой стороны, сказать, что в субботу можно делать зло и оставить человека погибать без помощи, было до такой степени нелепо и так не вязалось со значением субботы как дня, посвященного Богу, что даже их отупевшая совесть и извращенный в своем фанатизме ум понимали это.

Кроме того, простой народ сердцем почувствовал бы всю фальшь и возмутительную жестокость такого ответа, а поколебать свой авторитет среди народа – это для фарисея было хуже всего.

Они молчали. И, возрев на них с гневом, скорбя об ожесточении сердец их, говорит тому человеку: протяни руку твою. Он протянул, и стала рука его здорова, как другая.

Господь примером доказал, что в субботу делать добро можно.

В этом эпизоде яснее, чем где-либо, фарисеи выявили свое сухо-формальное отношение к религиозным установлениям. По их понятиям, действительно, человек был ради субботы, а не суббота человека ради. Пусть человек гибнет, пусть он упустит, быть может, единственную для него возможность получить исцеление от Великого Пророка, но закон о субботнем покое должен быть соблюден. Такова их точка зрения.

Но Господь, как всегда, верен Себе. У Него и здесь на первом плане вопрос о человеке, и если для его спасения надо нарушить закон о субботе в его буквальном понимании, Он не колеблется это сделать.

Описанное столкновение Господа с фарисеями ставит перед нами очень важный вопрос: как в самом деле, по христианскому учению, следует проводить праздники и относиться к ним? Чему в этом случае учит пример Христа?

Что Господь праздники не отрицал, видно из того, что каждый год для празднования Пасхи Он ходил в Иерусалим, как этого требовал установившийся обычай, и даже перед самой Своею смертью, уже предчувствуя ее близость, Он нашел нужным совершить с учениками Своими Пасху по принятому еврейскому ритуалу. Не отрицал Он, конечно, и Субботы как особого дня, посвященного Богу, ибо соблюдение Субботы требовала прямая заповедь Божия, а заповеди эти Он исполнял строго, говоря о них так: *доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все* (Мф. 5, 18). Если Ветхий Завет вообще Он считал нужным для человека, как это мы видели раньше, то краеугольный камень этого завета, Синайское законодательство, Он считал безусловно необходимой основой жизни, неизменной до последней йоты как закон воли Божией.

В христианстве суббота уже во времена апостолов была заменена воскресным днем. В книге Деяний (гл. 20, ст. 7) мы читаем, что христиане для совершения Таинства Причащения собирались в первый день недели, то есть в день, следующий непосредственно за субботой, ибо субботой заканчивалась еврейская неделя. Другими словами, это было богослужение воскресного дня. Особенное значение этого дня отмечает также апостол Павел, говоря о сборе милостыни (1 Кор. 16, 2). Лаодикийский Собор Христианской Церкви уже определенно заменяет празднование субботы воскресным днем.

«Не подобает христианам иудействовати, – говорит его 29-е правило, – и в субботу праздновати, но делати им в сей день, а день воскресный преимущественно праздновати, аще могут, яко христианам». Причина этой замены вполне понятна: в первый день недели воскрес Господь наш Иисус Христос, и воспоминание этого события, самого важного в христианстве, придает и самому дню, с которыми оно связано, выдающееся значение. Поэтому требование четвертой заповеди о праздновании седьмого дня недели в новозаветном христианстве относится к дню воскресному.

Итак, мы имеем определенную заповедь Божию о почитании праздников. Так как все заповеди даны Господом для блага самого человека, то очевидно и эта заповедь для людей полезна и необходима. Она так же важна и так же нужна, как и все остальные заповеди, ибо в ней выражается та же воля Божия, как и во всем Синайском законе. И однако нет, кажется, другой заповеди, которую мы нарушали бы так легко и так часто, как четвертую. По всей вероятности, это происходит оттого, что вредные последствия нарушения чествования праздников для нас не так очевидны, как вред от нарушения других заповедей. Убийство, кража, клевета – это явное зло, для всех понятное. Но будничная работа в праздник, разгул, занятия, не соответствующие значению Божьего дня, – кому от этого какой вред? Не наоборот ли? Труд ведь всегда полезен, и потому всякая работа, хотя бы и в праздник, вполне допустима. Так думают многие. И однако нарушение праздников есть несомненное зло, иначе Господь, вечно пекущийся о благе человека, не оградил бы их почитания особою заповедью.

Зачем же нужны праздники?

Однажды мне пришлось говорить с молодым английским студентом о том, почему так строго соблюдается воскресный день в Англии. «Знаете что, сэр, – сказал он, – как бы там ни было, но необходимо хотя бы один день в неделю иметь для лучших дум!..»

Эту же мысль подробнее раскрывает преосвященный Филарет, митрополит Московский: «Праздник – это благочестивое созерцание, в котором дух отдыхает от труда плоти и собирает силы для работных дней жизни». В самом деле, в течение недели мы, как в котле, кипим среди будничных забот и волнений, живем, как на базаре, где крикливая суэта жизни заглушает все. Душа, как удушливым туманом, окутана назойливыми мыслями о житейских нуждах и дрязгах, о наживе, о карьере, об удовольствиях, о чем угодно, только не о Боге; и осадок этих дум, как копоть, как плесень, заволакивает душу, делая ум нечистым и сердце черствым. В душе копится слой нравственной грязи, и эту грязь необходимо время от времени очищать, чтобы не покрыться плотной коростой греха, под которой сейчас же начинается гниение и разложение

духовных сил. В русском народе есть обычай по субботам каждую неделю ходить в баню. Так и душа нуждается в периодических своего рода нравственных омовениях. Такими омовениями для души и должны служить праздники.

Праздники – это душ для души. «День седьмой – Господу Богу твоему», – говорит заповедь. Долой все будничные заботы, серые мысли, грязные желаньица, ноющую зависть, недоброжелательность! На один день отдайте душу лучшим думам – думам о Боге, о любви, о вечности, о светлом мире Ангелов и святых, о бессмертии будущего (чтобы вам самим стать лучше, чище, добрее). Стряхните с себя пыль житейской суеты, ибо *благословил Бог седьмой день, и освятил его* (Быт. 2, 3). Подумайте хоть в этот день о душе, иначе вам грозит опасность, что дума о теле превратится для вас в суть жизни.

В этом главное значение праздника. Это – день очищения, и этого требует гигиена души.

Для человека немощного, мирского трудно жить постоянным устремлением к Богу. Это требует непрерывных усилий и хорошо дисциплинированной воли, ибо житейские мелочи постоянно стремятся овладеть сознанием и вытеснить оттуда всякую мысль о Боге. Борьбаться с этим напором постоянно, каждую минуту, не отступая ни на шаг, часто не под силу обыкновенному человеку, не искушенному в духовной борьбе. Церковь это знает и потому, оставляя в распоряжении человека для его житейских дел шесть дней в неделю, требует от него лишь один день особых усилий, чтобы ему вырваться из будничной сутолоки и напряжением духа хотя бы ненадолго подняться на очищающую и освящающую высоту. Это мудрая педагогика. Когда разумный воспитатель обучает своих питомцев гимнастике, он всегда на первых порах сильное напряжение чередует с продолжительными периодами отдыха: иначе легко надорваться. Так и в духовном воспитании: подъем духовных сил в день праздника сменяется длительным духовным ослаблением будней и потому легко выдерживается даже слабым, начинающим христианином. Так мало-помалу воспитывается и укрепляется душа. Прежде чем бегать, надо научиться ходить.

Таким образом, установление особых праздничных дней, прерывающих течение будней, имеет духовно-воспитательное значение.

Трудно вообразить, что представляла бы собой жизнь без праздников. Несомненно, нечто очень унылое, безрадостное. Случалось ли вам видеть фабричные города, где некоторые улицы сплошь состоят из фабрик и заводов? Более неприглядной картины, чем эти улицы, нельзя и вообразить. Серые, пыльные мостовые; грязно-красные бесконечно-монотонные корпуса, как коробки, без архитектурных украшений, без узоров, без стиля, с рядами однообразных окон, затянутых мелким переплетом рам; бесконечная вереница длинных голых труб, вытянувшихся к небу, как жерла пушек, и извергающих из своих пастей тучи едкого дыма и копоти. Чистого, ясного, лазурного неба не видно: оно все заплевано, загажено этими трубами и покрыто их серым дымом, как пылью. Нигде ни одного яркого, красочного пятна, которое оживило бы эту монотонную жуть. Все серо, убого, убийственно скучно. Везде грязь, копать, от которых никуда не спрячешься.

Таковы должны быть впечатления жизни, состоящей из одних будней без праздников. Но душа не переносит этого удручающего однообразия: она требует ярких, цветочных пятен, горящего солнца, смеющегося неба, песни жаворонка, радости жизни. Все это дает праздник. При религиозном, христианском отношении к нему он приносит столько радости, столько чистых восторгов, что жаль становится тех людей, которые не получили церковного воспитания и никогда не переживали этого святого подъема праздничного настроения. Даже будни после праздника становятся как-то содержательнее, осмысленнее и потому интереснее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.